

ПРОШЛОЕ.

(Изъ записокъ управительской дочери).

I.

Пожаръ на рѣзной.

Я рано начала себя помнить, лѣтъ съ шести или еще ранѣе; но первыя мои воспоминанія были отрывочны и смутны. Происшествія же послѣдняго лѣта, которое мы жили въ Куморѣ, гдѣ отецъ мой состоялъ пятнадцать лѣтъ въ должности управителя завода, я помню отлично. Тогда мнѣ было уже десять лѣтъ, и всѣ наиболѣе крупныя и рельефныя событія нашей нѣсколько однообразной жизни я точно снова вижу передъ собой. Тѣ лица, между которыми я провела мое дѣтство, встаютъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ живыя. И всѣ рѣзкія особенности ихъ характеровъ, и черты ихъ фізіономій, даже подробности костюмовъ, какіе они носили тогда, я помню такъ хорошо, какъ будто видѣла все это лишь нѣсколько дней назадъ.

Прежде я весело вспоминала мои дѣтскіе годы. Они казались мнѣ самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Теперь, я этого не думаю.

Въ жаркій лѣтній день, уже послѣ петрова дня, когда начался сѣнокосъ и всѣ заводскіе рабочіе были отпущены на страду, у насъ сгорѣла рѣзная, новая, недавно выстроенная фабрика. Это происшествіе, какъ повлекшее за собой печальныя послѣдствія для моего отца и нехорошо повліявшее на нашу послѣдующую жизнь, было какъ бы началомъ моихъ воспоминаній. Я помню, что въ этотъ день мы съ утра ждали пожара. У насъ была няня, старая, семидесятилѣтняя старуха, и ей приписался на этотъ день сонъ, предвѣстившій пожаръ и несчастье. Все утро она вздыхала и охала, все утро проходила отъ окна къ окну въ несказанной тревогѣ, а послѣ обѣда, который былъ

у насъ въ одиннадцатъ часовъ, даже отправилась съ нами въ мезонинъ, чтобъ тамъ изъ окна лучше видѣть, все ли въ Куморѣ благополучно. А изъ окна мезонина видъ открывался не только на Куморъ, а и на рѣзную, построенную на Усть-Куморѣ, тремя верстами ниже кумурскаго завода.

— Господи! жаръ какой, сушь какая! вздыхала она, крестясь:— ежели да въ этакую сушь искра куда западетъ, сохрани Господи! Погляди-ко, Соня, никакъ изъ-за Камы туча подымается?

Не успѣла я отвѣчать, какъ на колокольнѣ ударили въ набатъ и этимъ отвѣтили на вопросъ няни. Поднималась не туча, а дымъ отъ загорѣвшейся рѣзной. Я, какъ сумасшедшая, бросилась внизъ будить отца, имѣвшаго обыкновеніе спать послѣ обѣда, но застала его уже не спящимъ, а суетливо одѣвавшимся и отдававшимъ приказанія.

— Гдѣ горитъ, чтò горитъ? спрашивала перепуганная набатомъ мать. Она очень боялась пожаровъ и страшно испугалась.

— На Усть-Куморѣ горитъ, отвѣчала я и бросилась въ каретникъ, вскочила въ тарантасъ въ одно время съ кучеромъ, и мы подлетѣли къ крыльцу, гдѣ уже дожидался отецъ.

— Ты куда? сердито крикнулъ на меня отецъ, подходя къ тарантасу, и хотѣлъ ссадить меня. И еслибъ кучеръ Яковъ не заступился за меня, врядъ ли бы отецъ взялъ меня съ собой. Я была любимицей у нашего кучера, за чтò и сама любила его, и очень огорчалась, что не могла пріобрѣсти любви дворника Семена, отдававшаго предпочтеніе моему брату.

— Возьмите, сказалъ Яковъ, оборотившись къ отцу:— вѣдь, мнѣ все равно нельзя же будетъ отойдти отъ лошадей, такъ я и за ней присмотрю.

Отецъ молча сѣлъ, и мы покатили. Я какъ была, такъ и уѣхала въ одномъ платьѣ. Дорѣгой уже отецъ далъ мнѣ свой клѣтчатый носовой платокъ прикрыть мою всклокоченную голову. Лошади неслись во всю прыть.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были на рѣзной. Густой, чернѣйшій дымъ, который мы сперва приняли за тучу, широко разстилался въ воздухѣ. Крыша уже горѣла и начинала рѣшетиться. Длинные огненные языки взвивались высоко, прорѣзывая дымъ и точно отрывались и пропадали въ немъ.

Изъ оконъ лѣваго конца рѣзной тоже вырывалось пламя; проскальзывало оно узенькими змѣйками и сквозь щели широкихъ затворенныхъ дверей, раздѣлявшихъ рѣзную на двѣ равныя половины, и только правый конецъ еще не горѣлъ, но изъ всѣхъ его отверстій валилъ густой дымъ. Передъ дверьми, точно полоумный, бѣгалъ взадъ и впередъ растрепанный и босой старикъ въ синей рубахѣ и такихъ же штанахъ.

Я съ трудомъ узнала его—до того иснугъ исказилъ черты его лица. Это былъ Кузьма, сынъ нашей няни. Меня всегда удивляло, что у няни былъ такой старикъ сынъ: онъ казался нисколько не моложе ея. Ему было всего лѣтъ пятьдесятъ. Но когда-то онъ подвергся какому-то увѣчью, когда еще былъ дѣйствительнымъ работникомъ, и это его состарило. Теперь онъ былъ причисленъ въ разрядъ исправляющихъ обязанности караульныхъ.

Въ рабочее время, когда отецъ прїѣзжалъ на рѣзную, его встрѣчали надзиратель, главный мастеръ и караульный. Последнему большей частью поручался надзоръ за мной, покуда отецъ ходилъ по работамъ; Кузьма бралъ меня за руку и водилъ по рѣзной, а частію носилъ на рукахъ, останавливаясь передъ валами, изъ-подъ которыхъ широкія, дѣбѣла раскаленные полосы желѣза выходили разрѣзанными на узенькія мелкія полоски.

Онъ былъ первое и единственное въ настоящемъ случаѣ отвѣтственное лицо, такъ какъ время было не рабочее и Кузьма одинъ оставался сторожемъ и охранителемъ рѣзной. На него-то прежде всего и накинута отецъ.

— Отчего загорѣлось? гдѣ ты былъ? бестія, каналья! закричалъ отецъ, подбѣгая къ нему. Но тотъ только топтался на одномъ мѣстѣ и бормоталъ что-то непонятное.

— Говори! отчего загорѣлось?

И тяжелая рука отца тяжело опустилась на безотвѣтное старческое лицо Кузьмы. Онъ сильно пошатнулся отъ удара, однакожь не упалъ съ ногъ. Изъ носу хлынула кровь. При видѣ крови, гнѣвъ отца стихъ: ему даже какъ будто стыдно стало, и онъ, отвернувшись, закричалъ Якову:

— Ставь тарантасъ подъ навѣсъ и выпрягай лошадей. Подвозить воду! Есть ли вода въ бочкахъ? Годятся ли бочки? небось разохлись безъ воды!

И отецъ побѣжалъ подъ навѣсъ, находившійся направо отъ рѣзной, гдѣ стояли на дрогахъ двѣ бочки. Воды въ бочкахъ оказалось по самой малости; но бочки были крѣпкія и дроги въ исправности. Яковъ проворно перепрегъ лошадей, и поѣхалъ за водой, а мнѣ отецъ не велѣлъ сходить съ тарантаса.

Вся рѣзная была передо мной, какъ на ладони. Въ это время съ Усть-Кумора прибѣжали двѣ бабы съ ведрами и старикъ съ топоромъ. Отецъ поглядѣлъ на нихъ, поглядѣлъ на рѣзную и только молча развелъ руками.

Пожаръ былъ во всей силѣ, а народу собралось гасить его только двѣ бабы и одинъ старикъ. По дорогѣ изъ Кумора поднималось облако пыли: это везли пожарныя машины.

— Ничего не подѣлаешь, сказалъ отецъ, обращаясь къ старику:—что это васъ мало? куда всѣ провалились?

— На сѣнокосѣ, батюшка Василій Степановичъ, отвѣчалъ тотъ:—всѣ на сѣнокосѣ; вишь, время-то подошло—никого дома нѣту. Отецъ молчалъ, нетерпѣливо поглядывая на приближавшееся пыльное облако.

— И отчего это загорѣлось? разсуждалъ старикъ, обратившись къ Кузьмѣ:—и то слава Богу, что вѣтру нѣту, а то бы вотъ дрова запластали, а потомъ бы и до посаду добралось.

— Отчего загорѣлось? снова повторилъ онъ:—развѣ ты огонь разводилъ?

— Разводилъ маленько, ушкѣ варилъ, полушопотомъ отвѣчалъ Кузьма, во все время топтавшійся около тарантаса. Къ несчастію его, отецъ услышалъ это.

— Ты огонь разводилъ? Ты! на караулѣ вздумалъ ухѣ варить! Да какъ ты смѣлъ?

И градъ ругательствъ посыпался на Кузьму.

— Вѣдь, я рано утромъ, до солнышка еще, оправдывался онъ умоляющимъ, робкимъ голосомъ:—вѣдь, не на то же я ладилъ! кажись, и головешки-то всѣ залилъ. Спать-то бы вотъ не надо, а я пошелъ, да и уснулъ. Вѣдь, чуть я и самъ не сгорѣлъ, едва выскочилъ...

— И лучше бы ты сгорѣлъ, подлецъ! и на этотъ разъ ударъ отца сшибъ съ ногъ Кузьму, даже неуспѣваго посторониться и безотвѣтно подставлявшаго свою сѣдую голову подъ удары. Но въ это время привезли, наконецъ, пожарныя машины, и отецъ побѣждалъ распоряжаться ими. Съ машинами и народу пріѣхало человѣкъ пять. Въ Куморѣ тоже весь народъ былъ на сѣнокосѣ. Начали заливать правый конецъ рѣзной, какъ менѣе обжатый пламенемъ.

Кузьма поднялся на ноги, обтеръ рукавомъ рубахи покрытое кровью и пылью лицо и съ минуту молча глядѣлъ на меня.

Онъ точно соображалъ что-то:

— Зипунъ-отъ я тамotka оставилъ, зипунъ новый, недавно завелъ, пробормоталъ онъ, глядя на меня и, въ тоже время, будто не видя меня:—сгорить зипунъ-отъ. И онъ тоскливо оглянулся на горящую рѣзную. Правый конецъ ея, на который усиленно лили воду изъ двухъ машинъ, какъ будто начиналъ погасать. Кузьма вдругъ оправился.

— Онъ тутотка у окна не далеко, я его достану багромъ. И схвативъ багоръ изъ-подъ крыши, Кузьма побѣждалъ доставать зипунъ. Пробѣгая мимо меня, Кузьма оглянулся и крикнулъ мнѣ мимоходомъ:—ты сиди, никуда не ходи! Я видѣла, какъ онъ безуспѣшно рвался къ окну съ багромъ, и наконецъ, бро-

сивъ багоръ, скрылся за угломъ рѣзной. Вѣроятно, онъ хотѣлъ проникнуть въ нее съ задней стороны. Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ раздался сильный трескъ; на лѣвомъ концѣ рѣзной рухнула крыша, взвился столбъ пламени и миллионы искръ посыпались на землю мельчайшими черными угольками. Въ тоже время, вспыхнулъ правый конецъ рѣзной, и все зданіе обнялось пламенемъ и загорѣло ярко и спокойно. Точно огромный костеръ разложенъ былъ посрединѣ площади. Всѣ притихли; качавшіеся коромысла на машинахъ остановились, сознавая безпомезность своихъ усилій и глядѣли въ молчаніи то на отца, то на пожаръ.

— Ишь какъ пластаегъ! проговорилъ кто-то. — Ничего не зальешь! надо баграми разворачивать, вонъ народъ бѣжитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ изъ Кумора и отъ перевоза, бѣжалъ народъ: мужики съ баграми и топорами и бабы съ ведрами. Когда все было разломано и залито, отецъ подошелъ къ тарантасу, уже запряженному нашими лошадьми, и, снявъ съ своей головы платокъ, отеръ потъ и пыль съ своего разгорѣвшагося лица. Къ нему подошелъ надзиратель и сталъ объясняться, что и онъ былъ на покосѣ, со всѣмъ семействомъ.

— Да ужъ вѣрно Богу угодно наказать меня, вздохнулъ отецъ, садясь въ тарантасъ:—какъ ни случилось, да вотъ сгорѣло, все до тла сгорѣло. Поѣду домой; надо писать донесеніе, а вы заливайте остатки. Смотрите, какъ бы куда не залетѣла искра—вѣтерокъ поднимается. Караулъ поставьте на ночь; я, впрочемъ самъ ночью провѣдаю.

— Да гдѣ Кузьма? взять Кузьму въ полицію! Бросились искать Кузьму, но его нигдѣ не находилось.

— Гдѣ онъ? вѣдь онъ здѣсь остался? обратился отецъ ко мнѣ, и по лицу его пробѣжало что-то тревожное.

— Онъ ушелъ зипунъ доставать, сказала я. Припомнили, что точно видѣли его суетившимся около окна съ багромъ, что его тутъ облили водой, что, наконецъ, онъ куда-то исчезъ.

— Искать его, сыскать его непременно и взять подъ караулъ, были послѣднія слова отца, когда лошади тронулись и мы поѣхали домой.

Было пять часовъ вечера, и у насъ уже кипѣлъ самоваръ, когда мы пріѣхали.

— Ну, что горѣло? Гдѣ былъ пожаръ? посыпались на насъ вопросы, какъ только мы вошли въ комнату.

— Сгорѣла рѣзная, сгорѣла вся до тла, сказалъ отецъ, снимая съ себя мокрый сюртукъ. — Твой Кузьма сжегъ, обратился онъ къ нянѣ, стоявшей въ дверяхъ дѣтской:—вздумалъ уху варить и сжегъ. О! чтобъ его!.. Петрушка, трубку!

Выкуривъ трубку и выпивъ стаканъ чаю, отецъ ушелъ въ кабинетъ писать донесеніе.

Наконецъ, пріѣхалъ надзиратель и попросилъ вызвать отца.

— Ну что, залили?

— Залили все, Василій Степанычъ, и все еще льютъ!

— Нашли Кузьму?

— Нашли, Василій Степанычъ: обгорѣлъ сильно.

— Какъ обгорѣлъ? воскликнулъ отецъ и трубка выпала у него изъ рукъ.

— Да такъ, совсѣмъ обгорѣлъ: въ рѣзной нашли, въ самой середкѣ! одно туловище осталось.

Отецъ не сталъ далѣе слушать и молча, махнувъ рукой, ушелъ въ кабинетъ. Мать и няня еще долго говорили съ надзирателемъ, и замѣчательно было то, что няня и слушала, и говорила спокойно. Вся ея тревога прошла, несчастье совершилось, несчастіе ужасное; но она уже стояла къ нему лицомъ. Говорили о томъ, что до слѣдствія нельзя будетъ хоронить Кузьму, и няня ушла нанимать читать псалтырь по покойникѣ, а надзиратель уѣхалъ опять на Усть-Куморь.

Поздно вечеромъ донесеніе, наконецъ, было написано, и одинъ изъ рядовыхъ служителей при конторѣ поскакалъ съ нимъ въ Кушгорть, гдѣ было главное управленіе всѣми заводами того владѣльца, которому мы принадлежали. Всѣ мы, и отецъ мой, носившій званіе управителя, имѣвшій у себя кучеровъ, лакеевъ и дворниковъ, кухарокъ и нянекъ, цѣлую контору въ своемъ распоряженіи—всѣ, и мы, и они, были крѣпостные и съ трепетомъ ждали теперь, что будетъ.

II.

Утопленница.

Это случилось уже въ августѣ мѣсяцѣ. У насъ были гости и, по обыкновенію, играли въ бостонъ. Утромъ того дня, хлѣбный запасчикъ доложилъ отцу, что въ запасномъ магазинѣ рожъ начала слеживаться и надо ее просушивать или выдавать скорѣе рабочимъ вмѣсто муки, пока совсѣмъ не испортилась. Отецъ поѣхалъ смотрѣть. Оказалось, что рожъ нетолько слежалась, а сгорѣла. Когда засовывали руки въ закрома, то почти обжигали ихъ—до того великъ былъ жаръ въ срединѣ. Комиссіонеръ, покупавшій и доставлявшій рожъ въ Куморь, конечно, былъ тутъ болѣе всѣхъ виноватъ. Не правъ былъ и запасчикъ, принимавшій ее отъ него и не обратившій вниманія на то, что она была недостаточно суха. Но главная отвѣтственность все

таки падала на безвинную въ этомъ случаѣ отцову голову. Ржи было довольно много, около 60 тысячъ пудовъ, и болѣе половины изъ этого количества испортилось на столько, что годилось развѣ лишь въ кормъ скоту. Раскрыли въ нѣсколькихъ мѣстахъ крышу магазина, растворили двери, чтобъ дать свободный доступъ воздуху, и слѣдующую же мѣсячную выдачу рабочимъ предположили выдавать рожью вмѣсто муки. Это заставило отца сильно призадуматься. За пожаръ на рѣзной онъ еще не получилъ отъ помѣщика ничего; только главноуправляющій, который былъ къ отцу довольно благосклоненъ, сдѣлалъ ему выговоръ, впрочемъ, довольно мягкій, какъ вдругъ опять бѣда, хотя и не такая большая, но все это одно къ другому какъ-то не хорошо собиралось и усиливало опасенія и страхъ отца. Особенно тяжело дѣйствовали на отца слезы и опасенія матери, привыкшей, въ пятнадцатилѣтнее житіе въ Куморѣ, считать себя барыней, пользоваться почетомъ и уваженіемъ отъ всѣхъ служащихъ при конторѣ, и, кромѣ того, жить безо всякой нужды и заботы. У ней было единственное горе: отецъ иногда выпивалъ не въ мѣру и пьяный совершенно терялъ всякую амбицію и былъ со всѣми за панибрата. Чуть попадало ему въ голову—онъ ужъ ѣхалъ въ гости къ кому попало, къ самому послѣднему изъ служащихъ при конторѣ, и даже къ мастеровымъ мужикамъ и пилъ вмѣстѣ съ ними пиво и брагу, если не было лучшаго угощенія. Въ послѣднее время, это стало случаться чаще и чаще, и самолюбіе матери сильно страдало. И вотъ, чтобъ удержать отца дома, а также, чтобъ и самой развлечься, она частенько собирала своихъ короткихъ знакомыхъ поиграть въ бостонъ и поѣсть пельменей. Впрочемъ, гости у насъ и во всякое время бывали довольно часто, такъ какъ и отецъ и мать были люди хлѣбосольные, нескупые на угощенье. Всѣхъ чаще бывали у насъ, конечно, отецъ Власій съ супругой, которая была лучшей пріятельницей матери и кумой, такъ какъ крестила насъ всѣхъ. Кромѣ нихъ, бывалъ у насъ еще помощникъ отца, завѣдывающій технической частію работъ, съ женой и дочерьми. У отца Власія тоже были дочери, и тоже часто приходили къ намъ. И въ этотъ вечеръ всѣ онѣ были у насъ. Набѣгавшись въ саду, часовъ въ одиннадцать вечера, мы собрались въ залу, слабо освѣщенную одной сальной свѣчкой, и сидѣли у окна о чемъ-то шумно разговаривая. Играющіе въ бостонъ сидѣли въ смежной съ залой гостиной, и до насъ доносились только возгласы: пасъ, бостонъ, шесть, сюры и т. п. Я сидѣла у отвореннаго окна и, подперши голову рукой, о чемъ-то задумалась, глядя на виднѣющуюся часть плотины и на фабрики, стучавшія всѣми

своими молотами и извергавшія изъ всѣхъ трубъ столбы искръ и дыму. Въ широкихъ распахнутыхъ дверяхъ фабрикъ сновали взадъ и впередъ закоптѣлыя, черныя фигуры рабочихъ, освѣщенные яркимъ краснымъ пламенемъ пылающихъ горновъ. Я какъ-то сильно подавила глаза руками, и вотъ мнѣ показалось, что пламя, вылѣтавшее изъ трубы, оторвалось, и носится въ темнотѣ взадъ и впередъ, въ видѣ ярко горящей большой свѣчи. Небо обложилось тучами, и наступавшая ночь была очень темна. Я придавляла сильнѣе то тотъ, то другой глазъ, и мнѣ казалось, что оторвавшееся пламя то поднималось, то опускалось, то скользило по темной крышѣ зданія, гдѣ помѣщались духовыя машины. Я сказала своимъ подругамъ о томъ, что вижу летающій огонь и что, стоить имъ такъ же, какъ я, придавить глаза снизу, то и онѣ увидятъ тоже явленіе. Вскорѣ Анюта, дочь отца Власія, заявила, что и она видитъ летающій огонь. Слѣдомъ за ней и другія объявили, что онѣ тоже видятъ летающіе огни. Я подошла къ окну съ своими уже не сдавленными, а, напротивъ, широко раскрытыми глазами, и увидѣла не одинъ, а нѣсколько летящихъ огней и притомъ очень большихъ, которые оставляли за собой дымящійся и искрящійся слѣдъ.

— Чтò это, чтò это такое? кричали мы всѣ въ голосъ, не только удивленные, а даже испуганные. Но скорѣ явленіе объяснилось. Это бѣжали люди изъ фабрики съ зажженными пучками лучины. Всѣ они выбѣгали на плотину, а потомъ бѣжали по плотинѣ къ плюзамъ. Мы насчитали бѣгущихъ съ огнями человѣкъ шесть, да было еще нѣсколько человѣкъ съ длинными баграми на плечахъ. Я позвала отца.

— Случилось вѣрно чтò нибудь, сказалъ онъ, взглянувъ въ окно:—надо идти узнать.

Съ нимъ пошелъ и отецъ Власій.

— Пошлите намъ сказать, чтò тамъ такое, закричала имъ вслѣдъ мать.

Но они уже были далеко.

Вскорѣ матери доложили, что какая-то женщина бросилась въ воду у самыхъ плузовъ, что это увидалъ плотинщикъ, бросился въ фабрики и, взявъ оттуда столько народу, сколько было можно, не останавливая работъ, привелъ его на мѣсто, что теперь они ищутъ утопившуюся, но найти не могутъ, такъ какъ никакіе багры до дна не достаютъ, что убѣждали въ заурядскимъ рыбакамъ за кошками, что Василій Степанычъ велѣлъ принести туда всѣ фонари, сколько у насъ есть.

Сейчасъ же мы всѣ собрались на плотину и застали тамъ

дѣло въ такомъ положеніи. Въ двухъ лодкахъ, освѣщенныхъ пучками лучины и фонарями, плавали по пруду около шлюзовъ; съ одной нащупывали дно баграми, съ другой—спускали кошку. На плотинѣ стояла толпа народу въ тревожномъ ожиданіи. Нѣкоторые съ баграми въ рукахъ ходили по краю плотины, хотя и не могли достать до дна, такъ какъ прудъ въ этомъ мѣстѣ имѣлъ глубины болѣе пяти сажень.

— Что же никто не нырнетъ? нѣтъ развѣ изъ васъ такого смѣльчака? обратился отецъ къ вучкѣ рабочихъ, стоявшихъ возлѣ самыхъ шлюзовъ.

— Боязно, Василий Степанычъ, заголосили въ толпѣ: — кабы днемъ, а то ночью-то боязно. Да и нырять мы не мастера. Вотъ кабы Степана Чортушка заставить нырнуть!

— Послать за нимъ, распорядился отецъ.

— Да у него скоро крица поспѣетъ разсѣкать, доложилъ стоявшій неподалеку уставщикъ:—ему нельзя.

Степанъ Чирковъ, прозванный Чортушкомъ за то, что плавалъ и нырялъ, какъ рыба, работалъ мастеромъ у кричнаго горна и, разумѣется, во время выемки изъ горна крицы и ея разсѣканія не могъ отлучиться ни на минуту.

— Замѣнить его кѣмъ-нибудь! Эй! нѣтъ ли кого здѣсь изъ мастеровъ? Вонъ кто-то подходитъ, не Боровковъ ли?

Подходящій изъ-за пруда мужикъ, дѣйствительно, оказался кричный мастеръ Боровковъ, и отецъ послалъ его на смѣну Степана Чорта.

— Я готовъ смѣнить, отчего не поробить за него, коли онъ сюда для дѣла нуженъ? только вѣдь онъ мнѣ не повѣритъ.

— Какъ не повѣритъ? скажи, что я приказалъ; уставщикъ! ступай съ нимъ и скажи, что я приказалъ. Ступайте скорѣе.

Боровковъ и уставщикъ убѣжали бѣгомъ. Между тѣмъ, спускавшіе съ лодки кошку зацѣпились за что-то и тащили это что-то изъ воды. Всѣ шумѣвшіе на берегу притихли и ждали со страхомъ и любопытствомъ. Вытащили: старая, намокшая колодина. Отцѣпили кошку, и колодина снова утонула. Отецъ поглядѣлъ на часы.

— Вотъ ужъ часъ, какъ мы здѣсь, сказалъ онъ.—Послали ли за Катаевымъ?

Катаевымъ звали фельдшера.

— Я здѣсь, отозвался онъ и подошелъ къ отцу.

— Гдѣ же это Чирковъ? Что же онъ копается тамъ? закричалъ отецъ, начинавшій горячиться и сердиться.—Эй, вы, кто-нибудь! раздѣвайтесь и ныряйте, черти! развѣ не знаете, что человѣка спасать надо! обратился онъ къ толпѣ.

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ. И среди этого молчанія громко раздались поспѣшныя, тяжелые шаги бѣгущаго человѣка и хриплое, тяжелое дыханіе. Это подбѣгалъ Чирковъ.

— Скорѣе, Степанъ, скорѣе! закричалъ отецъ, бросаясь къ нему на встрѣчу: — полѣзай, братъ, въ воду, человѣкъ утонулъ; вотъ ужъ больше часу ищутъ, найти не могутъ. Подбѣжавшій мужикъ сѣлъ на краю плотины и молча началъ разуваться. Это былъ высокій, черноволосый человѣкъ, лѣтъ 40, широкій костью, но нѣсколько сухощавый и сутулый. Черные, густые волосы торчали на его головѣ вихрами во всѣ стороны; лицо было сплошь покрыто сажей, и только глаза свѣтились, отражая пламя ярко-горящаго смолянаго ведра, которое притащили изъ завода и зажгли для освѣщенія. Раздѣвшись, Степанъ бросился въ воду, но скоро вынырнулъ и держался нѣкоторое время на поверхности воды.

— Скоро бѣжалъ, задохся, сказалъ онъ: — дайте духъ перевести.

Отдохнувъ минуты двѣ, онъ вдругъ исчезъ подъ водой. Прошло нѣсколько мгновеній томительнаго ожиданія, показавшихся всѣмъ за цѣлый часъ, и вотъ въ самой срединѣ освѣщенной части пруда показались руки, а затѣмъ и всклокоченная голова Степана. Онъ подплылъ къ берегу и, ухватившись рукой, съ минуту отдыхалъ, тяжело отдуваясь.

— Съ коева мѣста она бросилась? спросилъ Степанъ, отдохнувъ.

— Вотъ съ этого, съ самаго этого мѣста, отвѣтилъ плотинщикъ подходя. Степанъ еще съ минуту отдыхалъ, потомъ поплылъ на указанное мѣсто и опять исчезъ подъ водой.

— Надо бы его веревкой обвязать было, заговорили въ толпѣ: — время теперь — самая полночь; кабы не подшутить онъ надъ нимъ!

— Выспались послѣ время! взѣлся отецъ: — что же раньше не говорили?

Снова наступило молчаніе и напряженное, томительное ожиданіе. Глаза всѣхъ были прикованы къ мѣсту, гдѣ исчезъ Степанъ. Искавшіе съ лодокъ подплыли къ берегу и ожидали, готовые подать помощь, какъ только она будетъ нужна. Скоро раздался сильный всплескъ, высунулась голова Степана, плечо и рука. Одна изъ лодокъ подплыла къ нему и переняла у него утопленницу, которую онъ вытащилъ на этотъ разъ. Это была женщина въ свѣтломъ платьѣ, заворотившемся ей на голову и закрывавшемъ лицо. Когда ее вытащили на берегъ и открыли платье, то раздался общій крикъ изумленія и горя. Утопленни-

цей оказалась Таня, дочь куморскаго хлѣбнаго запасчика, Сыропятава. По счастью, ни его самого и никого изъ его семейства не было на плотинѣ. Его домъ находился далеко отъ пруда, въ одной изъ верхнихъ улицъ, и тамъ, вѣроятно, еще не знали о случившемся. Мать моя заплакала горько и, взявъ меня за руку, пошла домой. И пора было увести меня: я дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и зубы у меня стучали.

А Катаевъ принялся отваживаться съ утопленницей. Только-что я начала согрѣваться и успокаиваться, прижавшись въ уголкѣ дивана и слушая толки матери и ея пріятельницъ о причинѣ смерти Татьяны Сыропятовой, какъ въ передней раздались чьи-то тяжелые шаги. Всѣ мы вскочили и выбѣжали въ залу. Въ дверяхъ стоялъ Степанъ Чирковъ и кланялся матери.

— Василій Степановичъ послалъ меня водки выпить, объяснилъ онъ на ея вопросъ. Мать налила водки въ стаканъ и подала ему. Онъ выпилъ ее, какъ воду, обтеръ губы и, поклонившись, хотѣлъ выйти.

— Страшно тебѣ было? спросила у него мать.

— Оно не то, чтобъ страшно, а такъ жутко только. Время-то теперь ночное. Нисколько не видно. Едва я ее ущупалъ.

— А какъ ты ее вытащилъ? вѣдь тяжело, должно быть? Надо и грести руками-то, и ее держать, говорила мать.

— Это-то пустяки, сыскать-то вотъ только не могъ—чуть не задохся, а тащить легко было. Счастливо остаться, добавилъ онъ, кланяясь.

Послѣ ухода Степана я вскорѣ уснула, не дождавшись отца; только на другой день отъ кухарки нашей узнала, что съ Татьяной не могли отводиться, что ее свезли въ больницу, гдѣ она и лежитъ на столѣ совсѣмъ раздѣтая и покрытая простыней, что вечеромъ пріѣдетъ докторъ и будетъ ее анатомить и что тогда узнаютъ всѣ правду: и честная ли она, или нѣтъ, и отчего она бросилась въ воду.

Докторъ пріѣхалъ ночью, и на другой день утромъ, произведено было освидѣтельство. Танюша оказалась беременной, и причина ея смерти стала понятна всѣмъ. Молва признавала виновникомъ ея беременности Петрушку Китова, бывшаго нашего лакея. Всѣ удивлялись, какъ это такая хорошая и скромная дѣвушка изъ служительскаго класса могла сойдтись съ такой неровней. Классъ служительскій рѣзко отдѣлялся отъ мастерового; всѣ принадлежащіе къ нему считали себя какъ будто не простого рода, какъ будто они были менѣе крѣпостными, чѣмъ мастеровые, и упорно не допускали въ свои ряды никого изъ мастеровыхъ. Свадебъ между служителями и масте-

ровыми никогда не бывало. Само собой, что мастеровые платили горячей ненавистью за оказываемое имъ презрѣніе. Этотъ антагонизмъ и былъ причиной смерти Танюши. Бѣдная дѣвушка не смѣла сказать о своей винѣ ни суровому отцу, ни ворчливой матери и предпочла короткую смерть мучительному и долгому стыду. Все это поняла я спустя много послѣ, а тогда меня крайне удивляло то, что Танюша сама утопилась, что никто не толкалъ ее, а сама она, убѣжавъ потихоньку изъ дому, бросилась въ воду.

— Отъ стыда она сдѣлала это, отвѣчала мнѣ кухарка на мои разпросы:—оттого, что не честная была.

Тоже отвѣчалъ и вучерь Яковъ, прибавивъ, что не мое дѣло толковать объ этомъ. Тоже сказала мнѣ и мать, пригрозивъ задать мнѣ праздникъ, если я еще буду совать свой носъ въ чужія дѣла.

III.

С т а ч к а .

Однажды утромъ, я была разбужена громкимъ говоромъ въ столовой, смежной съ нашей спальней. Въ числѣ говорившихъ слышались преимущественно ворчливые женскіе голоса. Я быстро одѣлась и вышла въ столовую. Мать сидѣла у чайнаго стола и съ нахмуренными бровями и недовольнымъ лицомъ пила чай, а отецъ, оставивъ свой недопитый стаканъ, подошелъ къ толпѣ женщинъ, выступившихъ изъ передней въ столовую. Всѣ онѣ громко говорили, и каждая держала въ рукахъ краюху еще дымящагося хлѣба. Хлѣбъ не годился въ пищу, и женщины требовали, чтобъ выданную имъ сгорѣвшуюся рожь взяли обратно, а имъ выдали хорошую, годную на мукъ.

— Эта годится только на солодъ, а изъ солоду хлѣба не испечешь, говорила высокая и толстая женщина, выйдя почти на средину комнаты и размахивая рукой:—такимъ хлѣбомъ только скотину можно кормить.

— У насъ ребята малые—ну, что они найдятъ на эдакой хлѣбъ! заговорила другая женщина:—да и сами-то мы почитай-что только на одномъ хлѣбѣ живемъ, а ты подумай, батюшка Василий Степанычъ, каково эдакой-то хлѣбъ жевать?

— Да, вѣдь, вамъ крупа выдана; не сухой же хлѣбъ вы ѣдите! варите щи! возразилъ отецъ.

— Да и со щами онъ намъ не годится, родимой ты нашъ, заговорили женщины всѣ въ голосъ:—заставь ты за себя Бога

молить, вели намъ эту рожь обратно свезти. Ты понюхай, духъ-отъ какой отъ хлѣба: тяжелый, затхлый! Попробуй самъ; вѣдь, тебѣ самому куска не проглотить! И одна изъ женщинъ, отломивъ кусокъ, подавала его отцу.

— Да, вижу, вижу, сердито отпихнулъ онъ ея руку: — я, что ли виноватъ, что вамъ такую скверную рожь купили. Подите къ Шамарину, онъ покупалъ хлѣбъ!

— Шамаринъ—намъ не начальство, заговорили женщины: — мы тебя одного знаемъ, тебя и Егора Мосеича (помощника отца). Вы—наше начальство, наши отцы; мы только васъ и знаемъ.

— Ну, подите къ Егору Мосеичу, сказалъ отецъ.

— Были, батюшка, были и у него; самъ знаешь, какой онъ человѣкъ, ногами затопалъ и выгналъ! Я, говорить, не обязанъ за хлѣбомъ смотрѣть. Пусть тотъ и отвѣчаетъ, кто хлѣбъ испортилъ.

Отецъ разсердился.

— А я развѣ портилъ? закричалъ онъ. — Развѣ я виноватъ? вѣдь, запасчикъ долженъ смотрѣть. Да что вы привязались ко мнѣ? Ступайте домой! Сказано вамъ, что до другой выдачи перемѣны не будетъ. Пробеитесь только этотъ мѣсяцъ, а на другой выдадимъ рожь хорошую.

— Батюшка, да вѣдь и мѣсяцъ-то надо прожить. Вѣдь мы съ голоду помремъ, заголосили женщины. Нѣкоторые повалились въ ноги, упрашивая отца смиловаться; другія подошли къ матери и убѣждали ее заступиться за нихъ, предлагая ей попробовать хлѣбъ.

— Вотъ ты откуси, вотъ возьми же въ ротъ, хотъ духъ-отъ понюхай, предлагала одна женщина, подходя къ матери и отламывая ей кусокъ хлѣба.

— Да мнѣ то что, сердито отвѣтила ей мать: — это—не мое дѣло, и зачѣмъ вы сюда пришли? идите въ контору. Что ты не велишь ими идти въ контору? Что они шумятъ здѣсь? обратилась она къ отцу.

— И въ самомъ дѣлѣ, идите въ контору; тамъ сообща съ Егоромъ Мосеичемъ мы рѣшимъ, что можно для васъ сдѣлать. Ступайте, я сейчасъ приду.

Женщины послушно вышли одна за другой. Послѣ ихъ ухода, мать взяла въ руки оставленный передъ ней на столѣ кусокъ хлѣба и стала его внимательно разсматривать. Хлѣбъ былъ очень черенъ, имѣлъ толстую корку, а, вмѣсто мякиша, какое-то коричневое глянцовитое тѣсто, издающее дурной, затхлый запахъ. Отецъ стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— Дрянъ хлѣбъ, никуда не годится! сказала мать: — кромѣ

того, что мука затхлая, она еще и солодѣлая. Если эту муку смѣшать пополамъ съ хорошей, только хорошую муку изведешь.

— Чтò же дѣлать мнѣ съ ними? чтò дѣлать? растерянно говорилъ отецъ, прихлебывая простывшій чай и вопросительно поглядывая на мать.

— А зачѣмъ вò-время не смотрѣлъ? поменьше бы пьянствовалъ, да побольше дѣломъ занимался, вотъ этого и не случилось бы! сердито отвѣтила мать.—Зачѣмъ посредника не послалъ, когда запасникъ рожь принималъ отъ Шамарина.

— Какъ не послалъ? посредникъ былъ.—Данило Корешковъ былъ при этомъ съ самага начала.

— И выбралъ посредника! сказала мать, качая головой.—Такой же пьяница, какъ самъ-то ты. Да онъ за полштофа не только тебя, а и душу свою продастъ. Вотъ теперь отвѣчай за всѣхъ. А этотъ хлѣбъ у насъ и собака ѣсть не станетъ.

И мать сердито сунула кусокъ въ чашку съ ополосками.

Допивъ чай, отецъ ушелъ въ контору и не возвратился къ обѣду. Во время обѣда приходили работники изъ фабрики, желая видѣть отца, и, не дождавшись его, ушли. Мы пообѣдали молча; мать нѣсколько разъ утирала выступившія у ней на глазахъ слезы, и ея печаль сообщалась и намъ. Только-что мы встали изъ-за стола, какъ къ намъ вошелъ Егоръ Мосейчъ. Поздоровавшись съ матерью, онъ спросилъ объ отцѣ.

— Да не бывалъ, грустно отвѣтила она:—опять вѣрно ушелъ куда-нибудь въ гости.

— Можетъ быть, уѣхалъ на Усть-Куморь?

— Нѣтъ, лошади дома.

— Гдѣ же это онъ? Куда запропастился? говорилъ Егоръ Мосейчъ, скрививъ свои тонкія губы въ кисло-сладкую улыбку.—Мы его ждали, ждали въ конторѣ!

— Развѣ онъ не былъ въ конторѣ?

— Нѣтъ, не былъ. Не знаете, гдѣ онъ теперь?

— Не знаю, право; можетъ быть, на фабрикѣ, задумчиво проговорила мать, хотъ сама не вѣрила въ свое предположеніе.

— На фабрикѣ онъ не былъ, рѣзко проговорилъ Егоръ Мосейчъ:—не былъ и утромъ, а теперь тамъ и дѣлать нѣчего. Развѣ вы не слышите?

— Чтò такое? встревожилась мать:—я ничего не слышу и не слыхала.

— То-то и худо, что ничего не слышно. Сегодня—не праздникъ, а у насъ будто праздникъ.

Мать глядѣла на Егора Мосейча во всѣ глаза и ничего не понимала.

— Да-съ, тишина наступила, тишина, снова проговорилъ Егоръ Мосейчъ, многозначительно взглядывая на мать. — Я не виновать въ этомъ и думаю, что надо донести въ главное управленіе.

Слово «донести» всегда производило на мать непріятное впечатлѣніе.

— Чтò такое донести? на кого? Ну, и доносите, если ваша совѣсть подымается! доносите, что пьянствуетъ, запускаетъ дѣла! заговорила она горячо и скоро. — Вы должны быть ему помощникомъ, вы — ему кумъ, онъ у васъ дѣтей крестить, а вы хотите ему зло сдѣлать! это не по дружески, не по товарищески. И мать заплакала.

— Да вы не плачьте. Вѣдь, мнѣ не свою же голову въ петлю пихать за кума? съ злостью заговорилъ Егоръ Мосейчъ. — Мнѣ теперь одно только и осталось, чтобъ не быть самому виноватымъ: это — написать въ главное управленіе какъ все случилось.

— Да чтò такое случилось?

— Да мастеровые заперли фабрику, не хотятъ работать. Просятъ выдать имъ хорошей муки, иначе, говорятъ, не будемъ работать. Развѣ вы не слышите, что фабрика стала?

Мать прислушалась, и дѣйствительно фабричнаго стука и шума не было слышно. Егоръ Мосейчъ всталъ и прошелся по комнатамъ, какъ-то не хорошо, злорадно улыбаясь.

— Я сейчасъ съ фабрики, заговорилъ онъ, останавливаясь передъ матерью: — гвалтъ такой подняли, ничего не хотятъ слушать. Я непременно обязанъ донести обо всемъ въ Кушгорть: а также и за исправникомъ надо послать, добавилъ онъ, берясь за шапку. Мать молчала, растерявшись, и только отирала слезы, одна за другой быстро катившіяся по ея лицу.

— Вѣдь, это — чортъ знаетъ чтò такое! вѣдь, старики не помнить такого случая, чтобъ мастеровые самовольно остановили работы. Вѣдь, это — бунтъ! говорилъ Егоръ Мосейчъ, горячась и колотя кулакомъ по столу. — Пошлите розыскивать кума; вѣроятно, кучеръ знаетъ, гдѣ его найти. И какъ ему не стыдно ходить къ рабочимъ и пьянствовать вмѣстѣ съ ними! вотъ они и сядутъ теперь ему на шею. Прощайте! Я пойду писать донесеніе! И Егоръ Мосейчъ пошелъ.

Мать пошла за нимъ, упрасивая его не писать, не повидавшись съ отцемъ, за которымъ тогда же отправила Якова. Но Егоръ Мосейчъ упорно отказывался ждать. Мать разсердилась и опять начала горячо выговаривать и упрекать его въ недобросовѣстности, недружелюбномъ отношеніи къ отцу. Онъ только

пожалъ плечами въ отвѣтъ на эти упреки и ушелъ въ контору. Часа черезъ два послѣ него, пріѣхалъ отецъ. Онъ былъ пьянъ до того, что не могъ встать съ тарантаса, и кучеръ съ Петрушкой вдвоемъ едва стащили его, подъ руки свели въ спальню и положили на постель. Мать сначала накинулась на него съ упреками и бранью, но, видя его почти безчувственное положеніе, замолчала и ушла въ гостинную, чтобъ тамъ наплакаться на свободѣ.

Во время вечерняго чаю, который на этотъ разъ мы пили позже обыкновеннаго, пришли рабочіе и просили разбудить отца. Но онъ спалъ такъ крѣпко, что не было возможности разбудить его, и мать сама вышла къ нимъ на крыльцо.

— Что вы это дѣлаете? обратилась она къ нимъ:—зачѣмъ вы остановили работу? Вѣдь вамъ же худо будетъ. Егоръ Мосейчъ хочетъ посылать за исправникомъ.

Рабочіе заговорили всѣ разомъ. Одни, посмириѣе, упрашивали мать заступиться за нихъ и приказать имъ выдать хорошаго хлѣба. Другіе сердито заявляли, что они—не лошади, что выданный имъ хлѣбъ годится только для скота, что на такомъ хлѣбѣ они работать не могутъ, и пусть кого хотятъ заставляютъ работать. Говорили еще, что Егоръ Мосейчъ не долженъ посылать за исправникомъ безъ согласія Василья Степаныча, а если Василій Степанычъ согласится, то его накажетъ за это Богъ, что исправника нѣчего бояться, а надо бояться Бога. Въ заключеніе всѣ заявили, что сейчасъ же пойдутъ на работу, если только отецъ дастъ слово завтра же выдать имъ хорошаго хлѣба. Всего обиднѣе казалось рабочимъ, что всѣмъ служителямъ выданъ хорошій хлѣбъ, а имъ, исполняющимъ такія тяжелыя работы, выданъ такой, что совсѣмъ не годится въ пищу.

— Ну, я поговорю! вотъ, только 'встанетъ хозяинъ, я и поговорю, сказала мать:—а вы бы шли на работу.

— Нѣтъ, ужъ мы не пойдѣмъ, не повидавши Василья Степаныча, заговорили рабочіе.

— Да онъ спитъ, долго не встанетъ, не разбудишь! сконфуженно объявила имъ мать.

— Мы подождемъ, ночуемъ здѣсь да не уйдемъ, не повидавшись. Пусть выспится, мы посидимъ вотъ здѣсь. И толпа рабочихъ, стала усаживаться. Они усѣлись на скамьи у садоваго забора, на рундукъ параднаго крыльца, на ступенькахъ, ведущихъ съ широкаго усыпаннаго пескомъ передняго двора въ задній, вымощенный деревомъ, и на ступенькахъ низкаго задняго крыльца. Мать стояла еще съ минуту на крыльцѣ и ушла въ комнаты. Уже

смерклось, и, послѣ яснаго и теплаго осенняго дня, наступилъ такой же ясный и теплый вечеръ. Я вытащила скамеечку на террасу, соединявшую парадное крыльцо съ чернымъ, и, усѣвшись тутъ, глядѣла на загорѣлыя, вымазанныя сажей лица рабочихъ, на ихъ жесткіе кожаные фартуки, ихъ оборванные тяжелки и гуни, въ распашку накинутые на плечи, на неуклюжіе лапти, подбитые деревяшками. Глядѣла на темныя пожелтѣвшія деревья сада, на выходящій изъ-за нихъ полный мѣсяцъ, показавшійся мнѣ необыкновенно большимъ, на то, какъ освѣтилъ онъ сначала парадное крыльцо и сидѣвшія на ступенькахъ его фигуры рабочихъ, какъ потомъ залилъ своимъ холоднымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ весь нашъ большой передній дворъ, въ праздничные дни свободно вмѣщавшій въ себѣ все мужское населеніе Кумора. На этомъ дворѣ рабочіе угощались обѣдомъ въ храмовые праздники. И теперь ихъ собралось тутъ человекъ двѣсти, и всѣ они, раздѣлившись на группы, кто сидя, кто стоя, тихонько разговаривали между собой, попыхивая коротенькими трубочками и терпѣливо ожидая, когда выпится начальство. Курившихъ, впрочемъ, было немного. Выдавшееся въ бокъ заднее крыльцо бросало отъ себя длинную тѣнь, закрывавшую почти весь задній дворъ, и сидѣвшіе на ступенькахъ этого крыльца были совсѣмъ въ тѣни. Но стоявшая предъ нимъ группа изъ трехъ человекъ была ярко и красиво освѣщена. Я заглядѣлась на эту группу, на добродушное широкое лицо мастера Боровкова, стоявшаго прямо противъ мѣсяца, на его длинную русую бороду, падавшую почти до рукъ, на эти большія мозолистыя руки, скрещенныя на груди, на широко разставленные ноги, казавшіяся мнѣ огромными, и на всю его массивную фигуру, бросавшую отъ себя исполинскую тѣнь. Бѣкомъ къ нему стоялъ худощавый черноволосый рабочій съ тонкимъ профилемъ, курчавыми волосами и фуражкой, съѣхавшей на затылокъ, и что-то тихонько рассказывалъ. Третій стоялъ ко мнѣ спиной, и тоненькая струйка дыма, взвивавшаяся изъ-за его косматой головы, показывала, что онъ курилъ. Боровковъ, долго стоявшій совершенно неподвижно, переступилъ съ ноги на ногу, взялъ предложенную ему курившимъ товарищемъ трубку и сталъ курить. На заднемъ крыльцѣ послышался какой-то шумъ, и сидѣвшіе на немъ рабочіе быстро вскочили и выбѣжали на освѣщенный мѣсяцемъ передній дворъ. Слѣдомъ за ними гналась какая-то высокая фигура съ поднятымъ кулакомъ. Это былъ Егоръ Мосечъ, незамѣтно вошедшій съ заднихъ воротъ.

— Вы зачѣмъ здѣсь собрались? что вамъ надо? Какъ вы смѣете курить здѣсь? спалить домъ хотите? И съ этими словами

трубка, вышибенная у Боровкова, отлетѣла далеко, а Егоръ Мосеичъ, крича и ругаясь, принялся гнать и выталкивать рабочихъ изъ ограды. Но они не хотѣли идти и только переходили съ мѣста на мѣсто.

— Ты здѣсь не распоряжайся лучше, Егоръ Мосеичъ, скажаль кто-то изъ толпы:—мы не къ тебѣ пришли и не уйдемъ, не повидавшись съ Васильемъ Степанычемъ. Ты насъ отъ себя прогналъ, изъ конторы прогналъ, а отсюда ужь насъ не прогонишь. Мы пришли не къ тебѣ.

— Ахъ, вы грубіяны, варнаки! И туча ругани полилась на рабочихъ, начинавшихъ все громче и громче огрызаться.— Вотъ пріѣдетъ исправникъ, такъ будетъ вамъ всѣмъ хорошая баня! узнаете тогда, какъ шумѣть, грозилъ Раевъ, выходя изъ себя отъ гнѣва. Шумъ усиливался и сливался въ одинъ общій гулъ. Съ Раевымъ пришли двое десятиниковъ съ нагайками и хотѣли разогнать толпу; но нагайки не были пущены въ дѣло, и десятиники ушли за ограду.

— Гдѣ же Василій Степанычъ? закричалъ Раевъ, входя на крыльцо:—разбудите его, что онъ спить? Пьянъ онъ, что-ли? спросилъ онъ у подвернувшагося Петрушки.

— Выпивши были, теперь встають, отвѣтилъ тотъ, пробѣгая въ комнаты съ ковшомъ воды въ рукахъ.

— Каждый день пьянъ, ворчалъ Раевъ, остановившись на крыльцѣ.

— Пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Онъ проспитъ всю ночь, а вы все и будете стоять, ждать? крикнулъ Раевъ толпѣ.

— Выспится, встанетъ, отвѣтили ему.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, стеклянная дверь на парадномъ крыльцѣ съ шумомъ отворилась, и отецъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы. Рабочіе обступили его, умоляя заступиться и не давать въ обиду. Всѣ жаловались на Раева за то, что послалъ за исправникомъ.

— Мы нисколько не бунтуемъ, говорили они:—дайте только намъ хлѣба, и мы сейчасъ пойдёмъ на работу.

— Однако, вы остановили фабрику самовольно, сказалъ отецъ спокойно, безъ гнѣва и крика:—ступайте-ко и пускайте ее въ дѣйствіе—тогда я съ вами и поговорю.

— Воля ваша, Василій Степанычъ, только мы на этомъ хлѣбѣ робить не можемъ, заговорили въ толпѣ.—Вотъ ужь двѣ недѣли, какъ мы ѣдимъ этотъ хлѣбъ. Сначала мѣшали пополамъ со старой хорошей мукѣй, а теперь старая мукѣй вся вышла, а

изъ одной новой хлѣбъ никуда негодится. Вѣдь, видѣли сами, Василий Степанычъ, бабы наши приносили вамъ хлѣбъ показывать! Прикажите намъ дать ржи изъ запаснаго магазина. А то всѣмъ служителямъ выдали хорошую мукѹ, а намъ никуда негодную.

— Ну, смотрите, какъ бы вамъ не умереть съ голоду въ одинъ-то мѣсяцъ, укоризненно сказалъ отецъ: — образумьтесь-ко, пока говорю вамъ добромъ, и принимайтесь за работу. Худо будетъ, какъ распоряджусь. И ты здѣсь? проговорилъ отецъ, подходя къ Боровкову и останавливаясь передъ нимъ.

— Мы всѣ здѣсь, отвѣчалъ тотъ, замаявшись: — всѣ кричные огуломъ.

— Хорошо. И фабрика стоитъ? и вамъ не стыдно? Одинъ разъ, въ первый разъ въ пятнадцать лѣтъ случилось, что вамъ дали плохую мукѹ и вы взбунтовались? Бога вы забыли на хорошемъ-то хлѣбѣ? А посмотрите-ко у Волжинскихъ (сосѣдній заводовладѣлецъ), худой-то хлѣбъ всегда, а добрый-то—въ рѣдкость, да и то не бунтуютъ. А вы взбунтовались! одного мѣсяца не могли стерпѣть. Стыдъ моей головѣ изъ-за васъ!

— Намъ Егоръ Мосейчъ сказалъ, что всю зиму будутъ насъ морить на этомъ хлѣбѣ, заговорили рабочіе: — а не одинъ мѣсяцъ. Одинъ мѣсяцъ отчего не потерпѣть; въ одинъ мѣсяцъ не умремъ. Хотя бы пополамъ выдавали, а то всю дачу дали худой рожью! говорили болѣе недовольные. — Будь отецъ родной, смилуйся! Еще мы бы стерпѣли, да бабы-то и ребята малые совсѣмъ этотъ хлѣбъ не ѣдятъ.

— А вотъ, какъ промрутъ хорошенько, такъ станутъ ѣсть, сказалъ Раевъ, подходя къ отцу, и его бѣлые зубы блеснули при мѣсяцѣ, раскрытые недоброй улыбкой. Отецъ молча поглядѣлъ на него.

— Вотъ пріѣдетъ исправникъ, такъ тогда узнаютъ, каково бунтовать, продолжалъ Раевъ: — запираетъ фабрику въ рабочее время, беспокоитъ начальство по пустякамъ въ ночную пору.

— Такъ вы ужъ послали за исправникомъ, любезный кумъ? прервалъ его отецъ.

— Послалъ, Василий Степанычъ; нельзя не послать, вѣдь видите—бунтуютъ, что же мнѣ было дѣлать? горячился Раевъ: — вотъ вы попробуйте-ка, поговорите съ ними, пошлите ихъ на работу. Вы ихъ избаловали; вы ведете себя не по начальнически...

— Это я самъ знаю, какъ себя вести, перебилъ его отецъ.

Рабочіе всѣ разомъ заговорили, оправдываясь и выражая готовность работать, если имъ обѣщаютъ выдать хоть на слѣдующій мѣсяцъ хорошій хлѣбъ.

— Видите, какой крикъ подняли; десятскихъ вытолкали, ничего не слушаютъ! говорилъ Раевъ, стараясь разжечь отца, немѣвшаго владѣть собой въ гнѣвѣ. — Бунтъ, настоящій бунтъ! собрались ночью, шумятъ, перепугаютъ и Александру Григорьевну, и дѣтей, и все—изъ-за чего?

Отецъ нетерпѣливо махнулъ рукой и молча пошелъ на крыльцо. Рабочіе шли за нимъ слѣдомъ.

— Что же ты, Василій Степанычъ, пошелъ отъ насъ, не сказавши ничего? заговорили они, заступая ему дорогу: — рѣши насъ чѣмъ-нибудь.

— Чѣмъ же я васъ рѣшу? грустно сказалъ отецъ, оборачиваясь къ нимъ: — меня скоро смѣнятъ, пошлютъ вамъ другого начальника—тотъ пусть васъ и рѣшаетъ. Вотъ Егоръ Мосейчъ пусть васъ рѣшаетъ. Онъ сегодня, не посовѣтовавшись со мной, послалъ за исправникомъ, ему давно васъ всѣхъ передрасть охота! Ну, и ждите себѣ начальство оттуда, а теперь вамъ начальство—Егоръ Мосейчъ.

Эта рѣчь произвела такое сильное впечатлѣніе, какого отецъ, вѣроятно, и не ожидалъ. Всѣ разомъ стихли, присмирѣвъ, вѣтѣли въ рукахъ свои истрепанные шапки. Отецъ съ минуту молчалъ.

— Ну, ребята! велите мнѣ васъ добромъ помянуть, заговорилъ онъ, возвышая голосъ:—послушайтесь вашего начальника, который прожилъ съ вами пятнадцать лѣтъ, всегда былъ ласковъ къ вамъ и стоялъ за васъ гдѣ могъ! ступайте въ фабрику и сейчасъ за работу! Чтобы чрезъ часъ фабрика была въ дѣйствиіи. Я буду тамъ черезъ часъ.

И, отстранивъ заступившаго ему дорогу рабочаго, отецъ сталъ всходить по лѣстницѣ.

Толпа загудѣла что-то такое, чего невозможно было понять.

— Какъ же! дожидайтесь, пойдутъ они! язвительно сказалъ Раевъ, направляясь къ воротамъ. Поднявшись на лѣстницу, отецъ обернулся къ рабочимъ.

— Слышите, что про васъ говорятъ, и слышали, что я вамъ сказалъ? крикнулъ онъ рабочимъ, и въ его голосѣ сильно зазвучала нота закипавшаго гнѣва.—Сейчасъ за работу, сію минуту! И худо будетъ тому, кого черезъ часъ я не найду на мѣстѣ!

Съ этими словами, отецъ ушелъ въ комнаты, такъ сильно хлопнувъ стеклянной дверью, что стекла со звономъ посыпались на полъ.

Шумно разговаривая и споря между собой, рабочіе вышли изъ ограды и направились къ фабрикѣ. Я пробралась въ залу и, сѣвши на окно, устремила глаза на освѣщенную мѣсяцемъ

безмолвную фабрику. Отец ходилъ по залѣ, курилъ трубку, пилъ квасъ изъ большой бѣлой кружки и тоже поглядывалъ въ окно. Мы ждали недолго. Скоро широкія двери фабрики отворились и въ нихъ блеснулъ огонекъ сначала одинъ маленькій, потомъ заблестѣло ихъ нѣсколько; они передвигались съ мѣста на мѣсто, дѣлались ярче; изъ черныхъ фабричныхъ трубъ показался дымъ, и скоро всѣ кричные горны запылали, а въ отворенныхъ дверяхъ ярко-освѣтившейся фабрики засновали взадъ и впередъ фигуры рабочихъ.

— Ну, ступай спать, Софья, чего ты сидишь такъ долго? сказалъ отецъ, поглаживая меня по головѣ. Я поймала его руку и поцѣловала. Я всегда любила отца, но въ эту минуту онъ какъ-то показался мнѣ особенно милъ и дорогъ.

— Теперь, вѣдь, они будутъ работать? спросила я отца. — Вѣдь, больше не будутъ бунтовать?

— Они и не бунтовали, это все—кумонька моего любезнаго шутики, сказалъ отецъ.—Народъ у насъ славный, добрый народъ. Иди къ матери и вели накрывать на столъ, а я въ заводъ схожу. Надо имъ сказать спасибо.

— На столъ давно накрыто, сказала тихонько подошедшая мать:—а въ заводъ тебѣ нѣчего дѣлать. Начали работать, такъ и пусть работаютъ.

— Ну, нѣтъ! Я сказалъ, что буду черезъ часъ на фабрикѣ, и буду.

И, допивъ остатки квасу изъ кружки, отецъ взялъ фуражку и ушелъ. Я смотрѣла ему вслѣдъ, пока могла видѣть его немного сутулую фигуру съ наклоненной впередъ головой, и когда онъ исчезъ за плотиной, стала смотрѣть на двери фабрики, ожидая тамъ появленія этой, такъ хорошо знакомой мнѣ фигуры. Скоро она показалась въ дверяхъ и исчезла въ фабрикѣ, окруженная толпой рабочихъ. Но мы напрасно ждали его возвращенія. Опять однѣ мы поужинали и легли. Уже поздно ночью отца привели домой, и опять пьянаго.

На другой день, вскорѣ послѣ обѣда, пріѣхалъ исправникъ, и, такъ какъ усмирять оказалось некого, то онъ, напившись вмѣстѣ съ отцомъ и получивши отъ него что-то въ подарокъ за напрасное безпокойство, вечеромъ же уѣхалъ обратно.

Тщетно настаивалъ Раевъ на томъ, чтобъ отодрать въ полиціи зачинщиковъ, тщетно онъ спорилъ съ отцомъ, угрожалъ ему гнѣвомъ главноуправляющаго, самого заводовладѣльца за поблажку мастеровымъ—отецъ никого не далъ тронуть пальцемъ. И хорошаго хлѣба онъ велѣлъ имъ выдать впередъ за половину слѣдующаго мѣсяца.

— Пусть меня не поминаютъ лихою, говорилъ отецъ:—мнѣ ужъ здѣсь недолго осталось жить.

И точно, жить въ Куморѣ оставалось намъ уже весьма недолго, такъ недолго, что отецъ и самъ бы удивился, еслибъ кто сказалъ ему, гдѣ онъ будетъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого.

IV.

Проводины.

Спустя нѣсколько дней, пришла, наконецъ, давно ожидаемая бумага, которою отецъ увольнялся отъ должности прикащика и на мѣсто его назначался другой. Этотъ другой пріѣдетъ вслѣдъ за распоряженіемъ начальства и приметъ должность. Отецъ зналъ его. Это былъ неспособный, недалекій, не умѣющій обращаться съ народомъ, но трезвый и усердный человѣкъ.

— Ну, чтѣжь, имъ такого надо, сказалъ отецъ, вздохнувъ.

Онъ перенесъ это несчастье спокойноѣ, чѣмъ можно было ожидать. Даже не напивался до безобразія и, встрѣтивъ своего преемника, сдалъ ему должность съ такимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, что даже удивилъ всѣхъ. Не такъ переносила это мать: она цѣлые дни горько плакала, собирая и укладывая въ сундуки свое имущество, сдавая преемнику отца господское столовое серебро, бѣлье и посуду. Со дня на день ждали изъ Кушгорта опредѣленія отца въ какую-нибудь другую должность и приказа о перемѣщеніи въ какой-нибудь другой заводъ, такъ какъ носился слухъ, что въ Куморѣ отца не оставятъ. Еще носился другой слухъ о предстоящей смѣнѣ управляющаго, хорошо расположеннаго къ отцу. Этотъ слухъ вскорѣ подтвердился. Управляющаго, дѣйствительно, уволили на пенсію, опредѣливъ на его мѣсто одного изъ членовъ правленія, человѣка, пробившаго себѣ путь своими замѣчательными способностями. Онъ былъ тоже изъ крѣпостныхъ, но какимъ-то образомъ давно былъ отпущенъ на волю, записался въ купцы, женился на дочери какого-то губернскаго туза, много разъ бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, былъ лично извѣстенъ заводовладѣльцу и держалъ себя независимо относительно своихъ сослуживцевъ и гордо относительно подчиненныхъ. Онъ не бралъ взятокъ или, лучше сказать, выражаясь словами народа, не бралъ гостинцевъ, а, слѣдовательно, почти и не выслушивалъ просьбъ рабочихъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго управляющаго было опредѣленіе отца смотрителемъ на Позорихинскую Пристань, официально извѣстную подъ другимъ названіемъ, отстоявшую

отъ Кумора верстъ за триста слишкомъ къ сѣверу. Жалованья убавлялось на половину. Мать была поражена этимъ назначеніемъ до глубины души, и отецъ, все-таки не ожидавшій такой суровости, тоже впалъ въ уныніе и сильно запилъ. Нѣсколько дней въ семьѣ у насъ только и слышно было, что перебранка, упреки и слезы. Мать посылала отца въ Кушгортъ умолять управляющаго о смягченіи наказанія, но отецъ не согласился и предпочелъ подчиниться суровому рѣшенію и предоставить теченію времени смягчить гнѣвъ начальства. Покутивши, похворавши послѣ кутежа, отецъ началъ собираться въ дорогу. Насъ онъ оставлялъ въ Куморѣ до зимняго пути, такъ какъ дорога на Позориху въ осеннее время была почти непроѣздна. Въ день отъѣзда отца, къ намъ собралось множество народа. Всѣ служащіе при конторѣ пришли проститься. Мать въ тотъ день не имѣла времени плакать. Она была очень гостепріимна и, какъ хорошая и заботливая хозяйка, думала только о томъ, чтобъ прощальный обѣдъ вышелъ на славу. За обѣдомъ всѣ подкутили; объятіямъ, слезамъ, поцѣлуямъ, выраженіямъ признательности за доброту отца и сожалѣніямъ, что лишаются начальника, который жилъ съ подчиненными, какъ съ родными, казалось, не будетъ конца. Во время обѣда, пришли и кричные мастера проститься. Имъ пришлось подождать съ часъ, и всѣ они, молча сжавшись въ кучки, стояли въ передней, въ сѣняхъ и на крыльцѣ. Всѣ были угрюмы и молчаливы. Какъ сейчасъ вижу широкое, добродушное лицо Боровкова, его толстыя губы, скрывающія рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, такъ часто мелькавшихъ во время веселой улыбки, его огромныя руки, искрещенныя, точно бичевками, толстыми узловатыми жилами. Господи, какой онъ огромный! всякій разъ думалось мнѣ, когда я его встрѣчала. Рядомъ съ нимъ стоялъ Чертушко, почти такой же высокій, какъ и Боровковъ, только болѣе костлявый, выглядывающій изъ-подъ нахмуреннаго лба, надъ которымъ торчали вихры черныхъ, какъ смоль, волосъ, угрюмо грустными глазами. Тутъ же стоялъ и Кетовъ, превращающійся каждый праздникъ изъ брюнета въ блондина. Сажа, покрывающая его густые волнистые волосы, смывалась въ банѣ, и ихъ природный льняной цвѣтъ, ихъ мягкость и шелковистость бросались въ глаза и какъ будто не подходили къ его загорѣлому, мѣдно-красному лицу. Помню, я разъ очень насмѣшила его вопросомъ, откуда онъ взялъ такіе шелковые волосы, когда онъ сидѣлъ у насъ въ кухнѣ въ какой-то праздничный день.

— Господь такіе далъ, Сонюшка, смѣясь отвѣтилъ онъ мнѣ.

Впереди всѣхъ стоялъ уставщикъ, Еремей Веселковъ. Этотъ

былъ мой лучший знакомый. Много разъ, сопровождая отца покричной, онъ носилъ меня, когда я была мала, на своихъ сильныхъ рукахъ и водилъ за руку, какъ подросла побольше, предупреждая, чтобъ я не наступила на неостывшую еще, хотя уже потемнѣвшую полосу только что выкованнаго желѣза, оберегая, чтобъ брызги отъ разсѣваемой крицы не долетѣли до меня, чтобъ какая-нибудь искра не прожгла мое платье, чтобъ кто-нибудь не толкнулъ меня, не наступилъ мнѣ на ногу. Его курчавая, начинающая сѣдѣть голова, часто наклонялась ко мнѣ, и онъ кричалъ мнѣ на ухо: не боюсь ли я, не жарко ли мнѣ, не хочу ли я на свѣжій воздухъ? когда отецъ останавливался въ фабрицѣ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь. И всегда я отрицательно мотала головой. Какъ ни было жарко мнѣ, но я никогда не просилась домой. Какую-то необъяснимую привлекательность имѣли для меня и этотъ адскій шумъ и стукъ, и пылающіе горны, и огромныя крицы, тяжело поворачиваемыя подъ молотами, и сильныя, темныя, покрытыя сажей фигуры рабочихъ. Я готова была глядѣть на нихъ по цѣлымъ часамъ. Въ корпусѣ духовой машины мы съ Веселковымъ становились на одинъ изъ огромныхъ поршней, съ какимъ-то свистящимъ жужжаньемъ ходившихъ въ блестящихъ внутри чугунныхъ цилиндрахъ, и у меня замирало сердце, когда поршень опускался внизъ, и рука моя, крѣпко державшаяся за руку Веселкова, вздрагивала и сжимала еще сильнѣе.

— Чтò, страшно? спрашивалъ меня Веселковъ.

— Нѣтъ, храбро отвѣчала я, и весело улыбалась отцу, когда насъ поднимало къ верху.

Но, все-таки, болѣе трехъ разъ я не могла выдерживать, у меня захватывало дыханіе, и Веселковъ ловко соскакивалъ съ поршня на полъ, предварительно взявъ меня подъ мышки. Послѣ, я ужъ соскакивала сама, только не выпускала его доброй руки изъ своей.

— Ну, вотъ и покачалась, говорить мнѣ Веселковъ:—и вѣдь боялась немножко, боялась вѣдь?

— Нѣтъ, не боялась, утверждаю я. И Веселковъ, недовѣрчиво улыбаясь, говоритъ отцу.

— Хоть и дрожить вся, а все говорить не боюсь.

— Уѣдешь, Сонюшка, отъ насъ далеко; намъ ужъ тебя знать-то и не видать, сказалъ мнѣ Веселковъ, когда я, увидѣвъ его въ числѣ пришедшихъ проститься, подошла и остановилась возлѣ. И покрытая сажей рука ласково гладила меня по головѣ. Изъ дверей дѣтской вышла моя младшая бѣлокурая сестренка и, переваливаясь съ ноги на ногу, тоже подошла къ намъ.

— Господь съ вами, милые! проговорилъ Веселковъ и хотѣлъ погладить и ее по головѣ. Но она испуганно отскочила и убѣжала въ дѣтскую.

— Испужалась! проговорилъ Боровковъ, показывая свои бѣлые зубы.

— Какъ насъ не испужаться? ишь мы какіе страшные, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— А эта вотъ не боится; эта и меньше была—не боялась. Съ измала къ намъ привыкла, добавилъ Боровковъ, показывая на меня.

— Долго мы тебя станемъ помнить, а за твоего тятеньку вѣкъ будемъ Бога молить, вздохнулъ Веселковъ.

Вышелъ отецъ и, подавъ всѣмъ по стакану водки, сталъ прощаться съ ними, цѣлуясь и обнимаясь. Всѣ мастера пришли прямо изъ кричной въ своихъ обыкновенныхъ рабочихъ костюмахъ, и отецъ, побывавши въ ихъ объятіяхъ, сталъ почти столь же черенъ, какъ и они. Онъ былъ значительно выпивши и, прощаясь съ ними, растрогался до слезъ. Слезы текли по его лицу и, смѣшавшись съ приставшей къ нему сажей, образовали на немъ узоры, которые, не будучи вытерты, такъ и засохли на лицѣ. Когда онъ, распрощавшись съ мастерами, вернулся къ гостямъ, то, несмотря на общее грустное настроеніе, всѣ невольно расхохотались. Отецъ поглядѣлъ въ зеркало и тоже расхохотался. Прощаясь, онъ съ жаромъ объяснялъ своему преемнику, какіе всѣ они, эти кричные мастера—славные люди. Тотъ выслушивалъ молча, стараясь скрыть выраженіе презрительнаго нетерпѣнія. Распростившись со всѣми, отецъ, наконецъ, сѣлъ въ экипажъ. Всѣ мы и многіе изъ гостей ѣхали провожать его до Камы. Тамъ еще разъ выпили наливки; пѣвчіе-любители, пѣвшіе концертъ во время обѣда, еще разъ спѣли многая лѣта; отецъ Власій благословилъ; еще разъ со всѣми перецѣловавшись, отца, наконецъ, усадили въ экипажъ, и онъ, произнеши свое обычное: съ Богомъ! уѣхалъ.

Грустнѣе возвращались мы домой. Наступали сумерки, моросилъ мелкій дождикъ. Мать плакала и говорила ѣхавшей съ нами женѣ о. Власія о томъ, какъ рады будутъ враги отца его униженію. Она предполагала почему-то, что у отца много враговъ и въ числѣ ихъ, разумѣется, считала Егора Мосевича. Ей показалось, что изъ оконъ одного дома выглядываютъ насмѣшливыя лица. Какая-то женщина, шедшая съ водой, заглядѣвшись на длинную вереницу возвращавшихся съ проводинъ, забыла поклониться, и мать замѣтила это.

— Вотъ, ужъ и кланяться не хотятъ, съ горечью сказала она:—а ужъ онъ ли не былъ до нихъ добръ.

Матушка и отецъ Власій просидѣли у насъ весь вечеръ, утѣшая и ободряя плачущую мать.

Наше переселеніе на Позорихинскую Пристань состоялось только въ ноябрѣ. Не буду описывать этого событія, хотя не могу не упомянуть о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, какое произвела на насъ суровая, гористая мѣстность, въ которой намъ приходилось жить. Высокія каменистыя горы, обступившія со всѣхъ сторонъ скромный домикъ смотрителя, какъ будто давили его, а косматыя, темныя ели, растущія по склонамъ горъ и подступавшія вплоть къ нашему жилищу, наводили на насъ страхъ своимъ унылымъ и однообразнымъ шумомъ. Кромѣ дома смотрителя, тутъ были еще двѣ или три казармы, пустыя въ осеннее время, и домъ сторожа или иначе лѣсника. Повыше, версты на полторы, по рѣчкѣ Асьвѣ, на берегу которой стоялъ смотрительскій домъ, находились каменноугольныя копи, недавно начатыя разработкою, и около нихъ нѣсколько новыхъ избъ и казармъ для рабочихъ. Алакишинскій заводъ и рудникъ отстояли отъ насъ верстъ на пятнадцать, а другой, меньшій, подъ названіемъ Полуденнаго рудника, находился верстахъ въ десяти. Отецъ утѣшалъ меня тѣмъ, что весной, во время грузки и сплава каравана, у насъ будетъ очень оживленно и весело, а лѣтомъ можно будетъ ходить на крестовый камень, возвышавшійся на правомъ берегу Асьвы, какъ разъ напротивъ нашего дома, и поглядѣть оттуда на живописныя по своей дикости, далеко открывающіяся окрестности. Но только нѣсколько лѣтъ спустя я научилась находить красоту въ этой дикой, горной странѣ и даже полюбила ее за суровую прелесть ея высокихъ каменистыхъ горъ, между которыми, сверкая, какъ сталь, протекала быстрая Асьва.

Тогда я не думала, что мнѣ придется прожить тутъ мои лучшіе молодые годы, испытать много горя и лишеній и до нѣкоторой степени освоиться и сжиться съ интересами населенія Позорихи и окружающихъ рудниковъ и заводовъ. Мои наблюденія, эпизоды изъ жизни окружающаго населенія и мою личную жизнь я передамъ въ слѣдующихъ очеркахъ.

А. К.

НЕДАВНЕЕ ¹.

(Изъ воспоминаній управительской дочери).

I.

Н А П О з о р и х ъ.

Грустно и однообразно шла наша жизнь на позорихинской пристани. Помѣщались мы довольно тѣсно, всего въ трехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ были очень маленькія. Обѣдали за частую въ кухнѣ, гдѣ мать, постоянно грустная, проводила большую часть времени, помогая неловкой, ничего неумѣющей кухаркѣ изъ мѣстныхъ крестьянокъ. Отецъ тоже сильно скучалъ: дѣла у него не было никакого, кромѣ приѣма нѣсколькихъ возовъ руды и чугуна въ день, которые перевозили на пристань изъ алакшинскаго завода. По вечерамъ же онъ былъ совершенно свободенъ и сначала положительно не зналъ, какъ ихъ скоротать, пока, наконецъ, не догадался выпросить у служащихъ въ алакшинскомъ заводѣ книгъ. Книги эти были преимущественно старые романы. Сначала отецъ самъ читалъ ихъ вслухъ, но потомъ, когда уставалъ, сталъ заставлять читать меня. Скоро я до страсти полюбила чтеніе и способна была цѣлые дни проводить за книжкой. Изрѣдка мы ѣздили въ гости въ алакшинскій заводъ, изрѣдка къ намъ пріѣзжали гости. Чаше другихъ пріѣзжала къ намъ тѣтка отца, бабушка Анна Степановна. Мать хоть и очень не любила ея за скупость, но, все-таки, бывала рада и ей. Она была хорошая рассказчица, и, несмотря на свои преклонныя лѣта—ей было 70 лѣтъ—разсказывала событія давно минувшихъ дней съ такою живостью, часто доходившею до комизма, что не было возможности не хохотать. Мы, дѣти, страшно наскучавшіяся въ захолусты, всегда встрѣчали ее съ вели-

¹ Первые главы были помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1876 г. № 12.

чайшей радостью. Сказки изъ «Тысячи и одной ночи», которыя бабушка помнила отлично со всѣми мельчайшими подробностями, рассказанныя необычайно живо, даже представленные въ лицахъ, приводили насъ въ неописанное восхищеніе. И подъ эти рассказы незамѣтно уходили длинные зимніе вечера.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда бабушка, подзадориваемая развеселившеюся матерью, съ особеннымъ увлеченіемъ рассказывала о томъ, какъ она выходила замужъ и какъ старалась понравиться жениху, который какъ только появился въ алакишинскомъ заводѣ, такъ и заполонилъ ея сердце.

— Въ церкви я его въ первый разъ увидала, ну, да и послѣ часто видала, потому что ему все мимо насъ ходить доводилось. А ему-то меня посмотришь было негдѣ: въ церкви-то, какъ былъ въ первый разъ, онъ меня не упримѣтилъ, а я какъ увижу, что онъ идетъ мимо, такъ за косячекъ и спрячусь, да изъ-за косячка-то и высматриваю, какъ Елена прекрасная...

Мы расхохотались: трудно было намъ представить себѣ, чтобъ эта маленькая, сгорбленная старушка, съ морщинистымъ лицомъ и заострившимся носомъ, когда-нибудь походила на сказочную красавицу. Бабушка поглядѣла на насъ и сама разсмѣялась.

— А въ тѣ поры я не такая была, заговорила она снова: — хоть я и невеличка была ростомъ и не очень изъ себя дородна, да какъ надѣну стеганный подсердечничекъ, такъ съ издали-то показываю какъ будто полная. А изъ лица я была красовитая, бѣлая, румяная, чернобровая, глаза веселые. Вотъ ты вырастешь, будешь на меня похожа, добавила бабушка, обратившись ко мнѣ.

Я поморщилась: перспектива вырасти и стать похожей на бабушку мнѣ не очень нравилась.

— Ну, ужъ, бабушка, на тебя я похожа не буду: пятнышка-то у меня нѣту, сказала я.

У бабушки было довольно большое родимое пятно на верхней губѣ.

— Ну, только пятнышка нѣтъ, а то совсѣмъ на меня будешь похожа, повторила бабушка. — У меня тогда пятнышка не было видно. Женихъ мой до свадьбы и не зналъ объ немъ.

— Да какъ же ты это дѣлала, бабушка?

— Мушки въ тѣ поры носили, такъ я тутъ завсегда мушку лѣпила.

— Какія это мушки?

— А такія вотъ: черненькія. У кого бархатныя, у кого тафтяныя. У меня бархатныя были.

— А платья тогда какія носили?

— Платьевъ тогда не носили, а носили юбки и кофты, тѣло-грѣи, пугаи, эпанчи. На головѣ шитыя золотомъ косынки. А мужчины носили камзолы, брызжи и косы.

— Косы! удивилась я. — Какія косы?

— Такія же, какъ у дѣвицъ. Тогда волосъ не стригли, а кто стригъ, такъ тѣ подвязывали косы фальшивыя, либо парики надѣвали. По конецъ косы кошелечъ привязывали: у кого бисерный, у кого серебряный, у кого золотомъ шитый. У моего жениха былъ золотомъ шитый и съ жемчужной кисточкой. Камзолъ былъ зеленый бархатный, господинъ съ своего плеча подарилъ, а подкамзолъ—газетовое. Какъ увидала я его въ церкви во всемъ снаряждѣ, такъ себя не вспомнила. Росту большого, румянный да полный; всѣхъ въ заводѣ красивѣе былъ мой Григорій Захаровичъ.

— Помнится, немножко глазами косилъ, сказалъ отецъ, желая подразнить бабушку.

— Чтò ты? Чтò ты? замахала она рукой: — ничутьючки, ника-пелечки, соколы глазыньки были! Кабы косой былъ, небось-меня бы не подглядѣлъ, добавила бабушка, усмѣхнувшись. — Да ты его и помнить не можешь: вѣдь, тебя въ ту пору чуть отъ земли было видно.

— А сколько этому лѣтъ теперь? спросила мать.

— Да вотъ ужъ сорокъ-два года вдовѣю, да съ милымъ моимъ дружкой Григоріемъ Захарычемъ жила пять годковъ; только пять годковъ! вздохнула бабушка и перекрестилась, шепча молитву. — Много лѣтъ прошло, много, а я эти годки лучше вчерашняго дня помню. Хорошо мы съ нимъ жили, совѣтно.

— А сама сказывала: когда-то такого тычка далъ, что и не опомнилась, разсмѣялась мать.

— Ну, это одинова было, да и я сама виновата была: не въ свое дѣло сунулась, мужиковъ отпустила.

— Какихъ мужиковъ?

— А въ ту пору здѣсь народу мало было, и по зимамъ пригоняли изъ другихъ вотчинъ для работъ въ рудникахъ. Народъ руду копать непривычный былъ, въ шахты спускаться боялся; ну вотъ, они и откупались, которые побогаче, а которые убѣгомъ уходили.

— Что же ты, бабушка, деньги съ нихъ взяла?

— Взяла, родные: съ восьми человекъ по крестовику взяла, да съ двухъ по два. А Григорій Захарычъ узналъ, да такъ осердился, что даже пѣна у рта показалась. Вишь, нельзя отпустить то ихъ было! Онъ, какъ отѣзжалъ изъ Питера, самому

господину захвастался, что вдвое болѣ руды добудеть, и каждымъ работникомъ дорожилъ тогда. Послѣ, какъ переселили сюда на жительство крестьянъ съ куморской и другихъ дачъ, и стало народу больше, такъ и самъ, бывало, отпускалъ, коихъ побогаче. А много было битвы съ этими переселенцами! Поживутъ немного, сбѣжать. Поймаютъ ихъ, приведутъ въ кандалахъ, дерутъ, дерутъ въ полиціи, опять заставляютъ рсбить. Помаленьку, однако, привыкли, обзавелись домами, ребятишки народились — ну, и не стали бѣгать. А какъ дѣти выросли, такъ тѣ ужъ охотнѣе пошли на работу, потому, окромя какъ руду копать, и дѣлать то ничего не умѣютъ. Все это были моего Григорія Захарыча заботы; вѣрный слуга господину былъ — ну, и господинъ его любилъ и жаловалъ: и деньгами, и платьемъ, и часами.

— И онъ носилъ это платье, бабушка?

— Сперва носилъ, ходилъ въ немъ къ обѣднѣ, а послѣ не сталъ: простой кафтанъ суконный носить сталъ. А сперва носилъ и чулки, и башмаки съ пряжками, и камзолъ бархатный, и косу...

Я живо представила описываемый бабушкой костюмъ и расхоталась. Бабушка поглядѣла на меня съ снисходительной улыбкой и прибавила:

— Въ тѣ поры это хорошо было и нисколько не смѣшно.

Разказы о старинѣ еще продолжались, но мнѣ ужъ не сидѣлось на мѣстѣ, и, бросивъ чулокъ, который я вязала, я убѣжала въ кухню, отдѣлявшуюся отъ комнатъ небольшими сѣнями. Тамъ я принялась пересказывать кухаркѣ и сторожу, какой костюмъ носилъ прежде дѣдушка. Сторожъ исполнялъ у насъ обязанность дворника и кучера. Это былъ сѣдой, но еще плотный и бодрый старикъ съ жиденькими волосами, висѣвшими довольно длинными прядями на его шеѣ. Эти-то волосы и навели меня на мысль, что не худо бы было заплести ему косу и, нарядивъ во что-нибудь подобное описанному бабушкой платью, показать ей: Мосей сидѣлъ на низенькомъ самодѣльномъ стулѣ въ одномъ бѣлѣ и босой и старательно вязалъ варежку или подпку, какъ онъ ее называлъ. Зная нелюбезность и ворчливость Мосея, я съ нѣкоторымъ страхомъ подошла къ нему и принялась заплетать ему косу, прибавивъ для густоты нѣсколько мочала. Къ моему удивленію и радости, Мосей хотя и протестовалъ немного вначалѣ, но потомъ покорился: онъ весь былъ углубленъ въ свою работу. Кончивъ косу, я бѣгомъ бросилась въ комнаты и тамъ, схвативъ съ гвоздя въ спальнѣ свою бѣлую юпку съ оборкой и отцовъ архалукъ, пустилась обратно, вытросивъ прежде у отца кисетъ съ табакомъ.

— Чего ты тамъ затѣяла? съ неудовольствіемъ крикнула мнѣ мать.

— Ничего, мамаша. Вы приходите всѣ въ кухню, пожалуйста, приходите, только не сейчасъ, а погодя немного.

Вбѣжавъ въ кухню и убѣдившись, что Мосей не расплелъ косы, я прицѣпила къ ней прежде всего кисетъ съ табакомъ и затѣмъ предложила Мосею надѣтъ мою юпку на шею.

— Твою юпку на шею? Мосей удивленно поднялъ голову, низко наклоненную надъ вязаньемъ. Я воспользовалась этимъ и, не ожидая его согласія, набросила ему юпку на голову, потомъ проворно стянула ее около шеи густыми сборками, завязала крѣпкимъ узломъ и затѣмъ услужливо подала ему отцовъ архалукъ — подъ этимъ названіемъ существовалъ у отца какой-то стеганый кафтанъ изъ крайне пестрой бумажной матеріи. Ублажая Мосею всѣми возможными ласковыми именами, я заставила его надѣтъ архалукъ, и, пока онъ разглядывалъ болтающіяся на груди зеленныя стеклянныя пуговицы и петлички изъ красного шнурка, я отыскала на полкѣ старую узко-верхую войлочную шляпу и, накрывъ ею голову Мосея, заставила его встать и повернуться. Расправляя на шеѣ оборку юнки, долженствовавшую изображать брызжи, для чего я влѣзла на лавку, я взглянула на стряпку, слѣдившую все время съ молчаливымъ вниманіемъ за совершеніемъ туалета. Веретено съ пряжей выпало у нея изъ рукъ; ея сѣрое, рябое лицо расплылось въ широкую улыбку, и вся она тряслась отъ беззвучнаго смѣха. Мосей тоже взглянулъ на нее.

— Ишь, вѣдь, баловница! проговорилъ онъ, не зная смѣяться ему, или сердиться. Онъ очень не любилъ, когда надъ нимъ смѣялись.

Въ это время дверь въ кухню отворилась, и въ ней показались отецъ, мать со свѣчей въ рукѣ, бабушка и сестры.

— Кланяйся бабушкѣ, Мосей! скомандовала я, снова вскакивая на лавку и поднявъ кверху стоявшую на столѣ свѣчу, чтобъ лучше освѣтить Мосея.

Но Мосей не кланялся. Его лицо вдругъ сдѣлалось сердитое; съ выраженіемъ самаго комичнаго неудовольствія онъ поворачивался къ бабушкѣ бокомъ всякій разъ, какъ она старалась заглянуть на него спереди. А бабушка, быстро войдя въ роль, съ забавными ухватками, величая Мосея своимъ яснымъ соколикомъ, бѣгала около него, уговаривая его не сердиться, не гнѣваться, а поздороваться съ нею какъ слѣдуетъ. Отецъ и мать смѣялись; кухарка, держась за бока, каталась на лавкѣ. Что до меня, то я, разумѣется, была на верху блаженства отъ своей выдумки и

до того скакала на лавкѣ отъ смѣха и восторга, что, наконецъ, свалилась и уронила свѣчу. Мосей бросился подымать свѣчу, а бабушка меня, но я уже вскочила и, показывая бабушкѣ кисеть съ табакомъ, спрашивала: такой ли кошелекъ привязывалъ дѣдушка къ косъ? Мосей терпѣть не могъ табакъ, считая его поганымъ зельемъ, и, увидавъ, что такое прицѣплено было къ его косъ, онъ вдругъ вышелъ изъ себя и, не щадя своихъ волосъ, принялся вырывать вплетенныя въ нихъ мочала и снимать съ себя архалукъ и юпку. Въ послѣдней онъ долго путался и сталъ совсѣмъ красный отъ гнѣва и усилій развязать крѣпко затянутый узелъ.

— Безстыдница! Выдумала издѣваться надъ старикомъ, ворчалъ онъ, топчась на одномъ мѣстѣ. — Нашли забаву, окаянныя! Ну-ко ты, развяжи!

Это относилось къ кухаркѣ, все еще отъ смѣха не могшей приняться за пряжу. Она помогла ему распутать узелъ, а мы съ бабушкой, сидя на лавкѣ, уговаривали Мосея не сердиться. Отецъ и мать уже ушли изъ кухни, и расходившійся Мосей пошелъ вслѣдъ за ними, прося отца кликнуть меня.

— Вѣдь я къ вамъ не для смѣха приставленъ, а для дѣла, говорилъ онъ. — А вы что выдумали? озорничать надо мной! Я и жить у васъ послѣ этого не стану.

— Вотъ расходился, старый хрычъ! прикрикнула на него мать. — Вѣдь, тебя не силой же нарядили? Зачѣмъ поддавался!

— Подай ему рюмку водки, предложилъ отецъ. Но мать, не любившая Мосея за грубость и лѣнь, не согласилась и выгнала его изъ комнаты. Мнѣ она сдѣлала выговоръ, пригрозивъ на слѣдующій разъ хорошей волосянкой, если я не оставлю водить компанію съ мужиками. Съ той поры, между Мосеемъ и матерью шла постоянная война, кончившаяся, наконецъ, изгнаніемъ Мосея и водвореніемъ на его мѣсто другого сторожа.

II.

Въ рудникѣ.

Какъ-то, ужъ въ концѣ зимы, отцу вздумалось повезти меня и мать въ рудникъ, въ гости къ смотрителю.

— Мы съ тобой, Софья, въ шахту спустимся, говорилъ отецъ дорогой. Я разумѣется выразила полнѣйшую готовность и удовольствие.

— Не тамъ ли поджигатель-то работаетъ? спросила мать.

Наканунѣ къ намъ пріѣзжалъ кто-то изъ завода и сообщилъ, что изъ Куфгорта привезли закованнаго въ цѣпи арестанта для работы въ рудникѣ; что сослали его въ работу за то, что онъ ругалъ управляющаго, бунтовалъ народъ и, наконецъ, заподозрѣнъ былъ въ поджогѣ дровъ въ заводѣ. Дровъ, впрочемъ, сгорѣло немного, такъ какъ пожаръ замѣтили во время и погасили. Но, что всего удивительнѣе, взбунтовавшійся былъ сынъ одного изъ служащихъ въ заводѣ, кончившій курсъ въ заводской школѣ и уже съ годъ прослужившій въ правленіи. Отецъ и мать были знакомы съ его родными и знали, что онъ былъ любимый сынъ у матери. «Вотъ и дождалась радости Евгенія Ивановна отъ своего Валериньки!» вздыхая, говорила мать, удивленная и опечаленная этимъ случаемъ:

Подѣзжая къ руднику, мы были удивлены тѣмъ, что узкая, вся избитая рудовозами дорога была широко расчищена и всѣ выбоины углажены.

— Развѣ ждутъ кого? удивлялся отецъ, оглядываясь по сторонамъ и понукая нашу толстую, неуклюжую лошадь.

— Развѣ вы ожидаете кого? повторилъ онъ свой вопросъ, здороваясь съ смотрителемъ, когда мы пріѣхали въ рудникъ.

— Да ожидаемъ, улыбаясь отвѣтилъ смотритель: — важную особу ожидаемъ сегодня.

— Кого же это? встревожились отецъ и мать:—мы, значить, не во время пріѣхали къ вамъ.

— Нѣтъ, отчего же! всѣмъ будетъ мѣста. Особа хотя важная, но насъ она не стѣснитъ.

— Да кто такой будетъ? скажите на милость.

— Локомобиль привезутъ сегодня, смѣясь, сказалъ смотритель.

— Ну, вотъ что! а я и въ самомъ дѣлѣ думалъ—важная особа.

— Везутъ! вѣзжалъ запыхавшійся двѣнадцатилѣтній сынъ смотрителя.

— Чтожь, пойдемте посмотрѣть? предложилъ смотритель, взявшись за фуражку. Мы поспѣшно одѣлись и пошли на дорогу. Тамъ уже собралась кучка мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ. Всѣ были въ какомъ-то радостномъ настроеніи: ребятишки суетились, толкались и взвизгивали; женщины подсмѣивались другъ надъ другомъ, что побросали работу и выбѣжали смотрѣть неизвѣстно на что. Мы остановились на краю дороги въ то самое время, какъ изъ-за горы показались сани, запряженныя парой, въ нихъ двое мужчинъ въ барашковыхъ шубахъ и бобровыхъ шапкахъ.

— Это—алакшинскій управляющій и механикъ, сказалъ смотритель:—а вонъ, слѣдомъ за ними, и важная особа ѣдетъ.

Важную особу везли на длинныхъ, нарочно устроенныхъ дровняхъ нѣсколько паръ лошадей, запряженныхъ пугомъ. Человѣкъ двадцать рабочихъ окружали ее, стоя на отводахъ, на передкѣ и запяткахъ. Всѣ они улыбались, кланяясь съ знакомыми, и самая машина весело блестѣла своей новой щеголевойтой полировкой на яркомъ февральскомъ солнцѣ. Такъ какъ дорога шла нѣсколько на подгорь, то ѣхали довольно быстро и скоро поравнялись съ нами.

— Вотъ такъ штука! говорили бабы, идя толпой слѣдомъ за локобилемъ.—Гдѣ же это такую штуку изладили? Неужто въ Кужгортѣ? спрашивали онѣ у окружающихъ машину рабочихъ.

— Досталось имъ! отвѣтили тѣ:—изъ-за моря выписали.

— Изъ-за моря! Ишь ты! Сами-то вѣрно не могли такую доспѣть, говорили въ толпѣ. И пошли толки и предположенія о томъ, какъ ее везли изъ-за моря и сколько за нее денегъ заплачено. Мы шли вмѣстѣ съ толпой до рудника, гдѣ въ наскоро сколоченный сарай стали устанавливать привезенный локобилъ.

— Еще много времени пройдетъ, пока его пустятъ въ дѣйствіе; мы той порой успѣемъ въ рудникъ сходить, сказалъ отецъ, обращаясь къ матери.—Пойдешь ты? лѣстницы здѣсь хорошія.

— Нѣтъ, не пойду; боюсь, сказала мать, заглядывая въ шахту.—Не умѣю я ходить по такимъ лѣстницамъ.

— А я пойду, мама? мнѣ можно? просила я.—Я не боюсь.

— Только шубку сними, а то всю отвозишь въ грязи, сказалъ рабочій, котораго смотритель откомандировалъ сопровождать насъ.

— Вотъ, надѣнь мою гуню, предложилъ какой-то мальчишка съ насмѣшливой улыбкой. Я покосилась на него съ недовольнымъ лицомъ.

— Ничего, надѣнь, сказалъ мнѣ отецъ, надѣвая самъ предложенный рабочимъ азамъ.—Только скорѣе, не то оставимъ.

Я быстро надѣла некрасивую гуню мальчишки, подпоясалась какимъ-то обрывкомъ и полѣзла вслѣдъ за начинавшимъ спускаться отцомъ. Впереди всѣхъ спускался рабочій съ пучкомъ зажженной лучины, за нимъ шелъ отецъ, и, такъ какъ онъ никогда не бывалъ въ рудникахъ, то спускался очень медленно. За нимъ спускалась и я, задомъ на передъ, держась обѣими ру-

ками за скользкія и грязныя ступени узенькихъ лѣсенокъ, наконецъ, пошли по длинному, нѣсколько искривленному, покатоному коридору. Со стѣнъ и потолка звучно капала вода и ручейкомъ струилась по срединѣ земляного пола. Тамъ, гдѣ ручеекъ былъ шире и глубже, были набросаны доски. Въ срединѣ коридора намъ встрѣтился штейгеръ и воротился съ нами, чтобъ показать намъ лучшіе забои. Повстрѣчалось нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ грязныхъ рубашкахъ, лаптяхъ и кожаныхъ фартукахъ. На колѣняхъ у нихъ были привязаны ремешками куски кожи. Мы шли довольно долго, какъ вдругъ сопровождавшій насъ рабочій нагнулся и юркнулъ въ какую-то темную дыру въ боку коридора, приглашая и насъ послѣдовать за нимъ. Отецъ, крехтя, нагнулся. Даже я почти касалась головой потолка этого низкаго прохода. Въ проходѣ намъ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ тачками. Они ползли на колѣняхъ, толкая тачки передъ собой. Проходъ имѣлъ въ длину сажень десять, въ ширину около сажени.

— Уфъ! вздохнулъ отецъ, разгибаясь, когда мы вышли въ другой коридоръ, гдѣ можно было стоять прямо.—Зачѣмъ же это тутъ такъ низко? спросилъ онъ, обращаясь къ штейгеру.

— Да вотъ видите ли, здѣсь руды не было, а рыли этотъ проходъ только для того, чтобъ ближе было руду возить. А если бы все по этому коридору катать руду, такъ надо сажень пятьдесятъ сдѣлать въ одинъ конецъ, столько же назадъ возвращаться.

— Ну, все-таки, можно бы сдѣлать повыше, а то вотъ извольте съ тачкой-то ползти на колѣняхъ, да еще въ грязи, сказалъ отецъ безглаголиво.

— Выше-то дороже бы стоило, возразилъ штейгеръ:—кабы хоть сколько-нибудь руды было, а то все—пустыя породы, да еще очень крѣпкія. Экономію соблюсти захотѣли.

Мы подвигались впередъ не скоро, потому что поминутно встрѣчались рабочіе съ тачками. Одни катили руду, другіе—землю. Работа кипѣла. Изъ коридора, по которому мы шли, начиналось много штрековъ; въ нихъ мерцали сальные огарки и пучки лучины и копошились люди. Въ одинъ изъ такихъ штрековъ или забоевъ мы и вошли.

— Вотъ гдѣ богатство-то, Василій Степанычъ! Вотъ извольте-ко посмотрѣть, сказалъ штейгеръ, взявъ изъ рукъ рабочаго пучъ лучины и поднимая его къ верху, въ уровень съ головой.—Посторонитесь, дайте поглядѣть, прибавилъ онъ, обращаясь къ работавшимъ тамъ мужикамъ. Они посторонились, мы подошли, и

передъ нами заблестѣла и заискрилась стѣна, вышиною въ сажень, синеватымъ желѣзистымъ блескомъ.

— Сплошь руда, сказалъ штейгеръ, поводя пучкомъ лучины сверху внизъ:—земли почти-что нѣтъ. Одно слово—богатство!

Отецъ взялъ у рабочаго молотокъ и сталъ отбивать нѣсколько кусковъ руды. А я стояла и глядѣла то на богатство, находящееся передъ моими глазами, то на сгорбленные и худыя, съ закоптѣвшими лицами, одѣтыя въ невообразимо грязныя рубашки, фигуры рабочихъ, то на свои грязныя руки.

— Что глядишь на руки-то? проговорилъ надъ моимъ ухомъ какой-то грубый голосъ:—измарала, что ли, ихъ? Ничего, вода забереть.

Я подняла голову и встрѣтила худощавое, запыленное лицо рабочаго съ жиденькой бородкой и ласковые сѣрые глаза, смотрѣвшіе на меня не то покровительственно, не то укоризненно.

— Ничего, продолжалъ онъ:—вымоешься; за то будешь помнить, каково въ рудникѣ, будешь другимъ рассказывать.

Въ это время, въ коридорѣ раздались какіе-то необычайные крики; рабочіе и всѣ мы поспѣшили къ выходу. По коридору бѣжалъ какой-то рабочій, размахивая молоткомъ и звякая кандалами. Увидавъ насъ, онъ закричалъ.

— Изверги! Палачи! Мучители! Не хочу я здѣсь быть больше, не хочу! Лучше въ солдаты пойду. Если меня оставятъ здѣсь, я убью кого-нибудь или себя убью.

И онъ остановился противъ насъ, размахивая молоткомъ. На эти крики рабочіе повысыпали изъ забоевъ и штрековъ и, высоко поднявъ надъ головой пучки зажженной лучины, стояли поодаль и смотрѣли.

— Валеринька! Тебя ли я вижу? вдругъ воскликнулъ отецъ, выходя изъ за рабочихъ и съ искренней жалостью и ужасомъ протягивая руки. Это и былъ арестантъ, о которомъ мы слышали наканунѣ. У Валериньки опустились руки, и молотокъ, которымъ онъ такъ гнѣвно размахивалъ, упалъ на полъ.

— Василий Степанычъ! вскрикнулъ онъ и, зарывавъ, бросился къ отцу въ объятія.

Не помню, что говорилъ ему отецъ, но помню, что онъ плакалъ и уговаривалъ его покориться и просить прощенія.

— Никогда! никогда! кричалъ Валеринька: — я сказалъ имъ и повторяю, что готовъ въ солдаты идти. Зачѣмъ они меня здѣсь держатъ? Какой я—работникъ! Я надѣлаю здѣсь вреда и себѣ, и имъ. Помучить имъ охота человѣка, поиздѣваться надъ

нимъ? Ну, такъ будетъ ужъ, помучили! А жить у нихъ не стану. И робить не стану. Вотъ я имъ...

И Валеринька оглянулся, отыскивая выпавшій молотокъ. Но рабочіе ужъ подняли его и, окруживъ Валериньку, старались оттѣснить его отъ отца въ глубину коридора.

— Скажите имъ, что они—варвары, душегубы! кричалъ Валеринька, обращаясь къ отцу, но отецъ уже не слушалъ и, махнувъ рукой, поспѣшно пошелъ къ проходу. Валериньку, продолжавшаго кричать, тащили въ глубь коридора. Мы вошли въ проходъ, и крики вдругъ точно оборвались; слышалось только поскрипыванье тачекъ и шлепанье ногъ по жидкой грязи. Молча, не проронивъ ни одного слова, поднимались мы по лѣстницамъ и, выбравшись на свѣжій воздухъ, глубоко, радостно вздохнули. Выйдя изъ шахты, мы застали наверху кучку народа, столпившагося посмотрѣть, какъ спустятъ посредствомъ пара первую бадью, колеблющуюся надъ темнымъ отверстіемъ шахты на канатѣ. Совершенно неожиданно для всѣхъ, раздался пронзительный свистокъ, отъ котораго всѣ вздрогнули, нѣкоторые даже вскрикнули, а затѣмъ весело разсмѣялись своему испугу. Когда свистокъ смолкъ, бадья юркнула въ шахту, точно ее бросили туда. Вздвогнувшій и заколебавшійся канатъ показалъ, что она остановилась. Черезъ пять минутъ дали знать, что она наполнена, и бадья почти моментально съ шумомъ вылетѣла кверху. Ловко подхваченная ожидающими рабочими, она быстро выбросила содержимое на землю и, немного поколебавшись въ воздухѣ, снова исчезла въ отверстіи шахты.

— Ну, пошла машина въ ходъ! проговорилъ отецъ и, вздохнувъ, пошелъ къ дому смотрителя.

Возвращались мы домой поздно вечеромъ, и ужъ не такъ весело, какъ ѣхали впередъ. Отецъ, совсѣмъ пьяный, спалъ въ саняхъ и занялъ такъ много мѣста, что мнѣ пришлось помѣститься на козлахъ. Кучеромъ у насъ былъ работникъ, котораго намъ дали съ рудника, и я, чтобъ не свалиться съ козелъ, всю дорогу держалась рукой за его ременный поясъ. Рука у меня устала и озябла, и я хотѣла было попроситься сѣсть къ матери въ ноги, но она была такая сердитая и унылая, что я не смѣла и пикнуть.

Спустя нѣсколько времени, узнали мы, что желаніе Валериньки исполнилось: его отдали въ солдаты.

III.

Весна.

Наконецъ, такъ долго, такъ нетерпѣливо ожидаемая весна наступила, и наше унылое, безлюдное мѣсто оживилось и повеселѣло. Пустые всю зиму казармы наполнились рабочими, преимущественно крестьянами, и началась постройка коломеноевъ, въ которыхъ сплавлялись руда и чугунъ въ другіе заводы помѣщика. Для наблюденія за постройкой часто пріѣзжали алакинскіе управляющіе, то тотъ, то другой; оставались у насъ по цѣлому дню и играли въ карты. Играли, разумѣется, на мѣлокъ, но горячились и спорили во время игры такъ, какъ будто проигрывалось цѣлое состояніе. Рабочіе устроили для насъ мостки изъ тѣса, и я съ сестрами готова была сидѣть тутъ цѣлые дни — такъ сильно надоѣли мнѣ наши маленькія и тѣсныя комнаты. А на берегу было такъ хорошо: такое теплое, яркое солнышко пригрѣвало насъ, такъ весело журчали ручьи, стремительными водопадами низвергаясь съ горъ, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ. Прямо за нашимъ домомъ подымалась гора и тянулась далеко, далеко вдоль Асьвы, то отодвигаясь и давая мѣсто небольшой долинкѣ, то надвигаясь и острымъ каменнымъ утесомъ врѣзываясь въ самую воду. Напротивъ насъ, за Асьвой, бѣлѣла большая луговина, а за нею высился лѣсистый угоръ. Ниже по Асьвѣ долина суживалась, стѣсненная точно набросанными въ бучу громадными камнями, а надъ ними подымалась Крестовая Гора, названная такъ потому, что на отвѣсной скалѣ, увѣнчивающей ея вершину, былъ поставленъ большой чугунный крестъ. Далѣе рѣка круто поворачивала влѣво и скрывалась за горой. Стояли прелестные, теплые дни, снѣгъ таялъ сильно, и горы быстро обнажались. На мѣстахъ, наиболѣе пригрѣваемыхъ солнцемъ, начинала зеленѣть травка. Асьва вдругъ начала сильно прибывать, и въ одно утро, вставши, я къ великому удивленію своему увидала, что лѣдъ прошелъ и мутная рѣка сердито шумѣла въ берегахъ. Стремительно неслись и кружились на ней послѣднія льдинки.

— Что это, папа, какъ скоро лѣдъ-то прошелъ, я и не видела! говорила я съ сожалѣніемъ, обращаясь къ вошедшему въ комнату отцу: — еще вчера ходили по льду!..

— А сегодня въ лодкахъ можно плавать. Это не то, что Кама.

Помнишь, въ прошломъ году, сколько разъ ѣздили смотрѣть, не идетъ ли лёдъ на Камѣ? Сколько дней ждали? А она нахмурилась, посинѣла вся, лёдъ давно отсталъ отъ береговъ, ни конному, ни пѣшему ходу не было, а все нейдетъ. А Асыва живо, лёдъ даже и посинѣть не успѣлъ. Ты неужели ничего не слышала ночью?

— Нѣтъ. А что?

— Да трескъ и громъ такой былъ, когда лёдъ ломался, точно изъ пунекъ палили. Мы всё выходили смотрѣть.

— Что же вы меня не разбудили? сожалѣла я, выходя на берегъ.

И долго послѣ жалѣла я объ томъ, что не видала, какъ прошелъ лёдъ. Вскорѣ послѣ этого, погода испортилась, стало холодно, пошли дожди, и мы долгое время должны были сидѣть въ комнатахъ, только изрѣдка на часокъ выбѣгая на берегъ. Въ концѣ апрѣля, начала разливаться вода и подняла давно уже готовыя коломеней. Ихъ спустили въ мѣста, удобныя для грузки, и снова закипѣла работа, утихавшая на время, пока ждали прибыли воды. Грузиться очень спѣшили, такъ какъ боялись, что вода скоро спадетъ; поэтому, отецъ и караванный, которымъ долженъ былъ быть на этотъ годъ младшій управляющій алакшинскаго завода, не сходили съ берега, то и дѣло попуская лѣнливыхъ и неповоротливыхъ крестьянъ. Въ нѣсколько дней они совсѣмъ охрипли отъ крика. Съ ранняго утра и до поздняго вечера слышался на берегу гулъ голосовъ, скрипъ тачекъ и стукъ ссыпаемой руды. Карточный столъ былъ забытъ совсѣмъ, и отецъ съ управляющимъ приходили въ домъ только выпить и закусить. Послѣдній пилъ много, но пьянъ не былъ и, напротивъ, послѣ выпивки становился еще энергичнѣе и неутомимѣе. Не то было съ отцемъ: онъ быстро пьянѣлъ и къ концу дня бывалъ никуда не годенъ, только надоѣдалъ всѣмъ.

— Охъ, Василій Степанычъ, не умѣешь ты пить! съ досадою говорилъ ему управляющій.

Но вотъ наступилъ, наконецъ, день отправки каравана, и старшій алакшинскій управляющій пріѣхалъ провожать его. Съ нимъ пріѣхала жена караваннаго и, кажется, еще кто-то, не помню. Отправка каравана назначена была въ пять часовъ утра. Назначенныхъ часовъ держались строго, во избѣжаніе могущихъ произойти столкновений, еслибъ вышло какое-нибудь промедленіе, такъ какъ пристаней, съ которыхъ отправлялись суда, было три: Позорихинская, гдѣ жили мы, Петровская—выше насъ и

Юровская—ниже. Съ Юровской пристани караванъ былъ отправленъ наканунѣ въ полдень; съ Петровской отправка была назначена въ десять часовъ того же дня, какъ и отъ насъ. Когда, въ шестомъ часу утра, я вышла въ нашу большую комнату, караванный, уже одѣтый въ свой рабочій сюртукъ, подбитый мѣхомъ и страшно выпцѣтшій отъ яркаго весенняго солнца, сидѣлъ за столомъ и основательно закусывалъ. Жена его укладывала ему что-то на дорогу въ кожаный мѣшокъ, благодарила мать и извинялась передъ ней за хлопоты и беспокойство, которые доставилъ ей мужъ, жившій у насъ все время грузки. Позавтракавъ, караванный простился съ матерью, поцѣловалъ жену и вышелъ на берегъ. Тамъ все уже было готово: рабочіе распределены по коломенкамъ, лоцманы на мѣстахъ. Съ появленіемъ караваннаго, поднялся гулъ отъ говора заспѣшившихъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ сильно трусили и прощались съ остававшимися на берегу, какъ будто шли на смерть. Караванный весело шутилъ, стараясь ободрить трусившихъ: ему помогали лоцманы, въ которые выбирались люди бывалые, извѣстные столько же отвагой и находчивостью, сколько знаніемъ теченія рѣки и мѣстныхъ условій. Всѣмъ имъ для храбрости поднесено было по стакану водки, и, когда всѣ встали на мѣста, караванный, стоявшій на скамейкѣ, устраиваемой для лоцмана посрединѣ судна, командовалъ:

— Молитесь Богу! и, снявъ свою рыжую шапку съ ушами, широко перекрестился, обратившись лицомъ на востокъ. Всѣ послѣдовали его примѣру и минуты двѣ молча молились.

— Ну, съ Богомъ! Отчаливай! крикнулъ онъ, соскакивая со скамейки, на которую тотчасъ всталъ лоцманъ; а караванный сошелъ на берегъ и командовалъ, стоя на берегу. А такъ какъ его охрипшій голосъ былъ плохо слышенъ, то его приказанія повторялись мужикомъ, обладавшимъ очень здоровой глоткой. Рабочій этотъ, прозванный эхомъ караваннаго, повторялъ не только всѣ приказанія, но и всѣ бранныя слова, которыми караванный подкрѣплялъ свои приказанія. Подъ конецъ онъ до того вошелъ въ свою роль, что сталъ даже подражать движеніямъ и манерѣ караваннаго, и это очень смѣшило всѣхъ стороннихъ наблюдателей. Сами дѣйствующіе, разумѣется, не замѣчали смѣшной стороны: имъ не до того было.

Какъ только отвязали канатъ, коломенка стремительно понеслась внизъ, и на ней поднялась невообразимая суматоха. Сначала, какъ показалось намъ, всѣ забѣгали, затолкались и закричали, но голосъ лоцмана покрылъ этотъ нестройный гулъ; рабо-

чіе бросились къ кормовымъ весламъ и принялись усиленно работать ими ¹.

— Слушай команды! кричалъ имъ вслѣдъ караванный.— Слушай команды! повторялъ эхо рабочій. «Анды!» глухо вторила гора. Всѣ примолкли и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна. Тотчасъ ниже насъ находилось опасное мѣсто, а именно та куча камней, о которой я упоминала выше. Въ половодье эти камни заливало водой, и только кой-гдѣ торчали ихъ острые верхушки. Если коломенку наносило на нихъ силой теченія, то она непременно почти моментально разбивалась и шла ко дну. Руда, конечно, пропадала, но рабочіе подвергались большой опасности. Ухватчики—такъ назывались люди, обязанные подавать помощь при крушеніяхъ—стояли около лодокъ, готовые перенимать утопающихъ. Но, на этотъ разъ, коломенка слегка всколыхнулась, круто поворачиваясь, и прошла благополучно опасное мѣсто. Лодманъ выстрѣлилъ изъ ружья, и караванный радостно отвѣтилъ ему тоже ружейными выстрѣлами. Коломенка скрылась за горой.

Провожающіе поздравили караваннаго съ благополучнымъ отваломъ, и, разумѣется, дѣло не обошлось безъ выпивки. Мать моя и жена караваннаго отправились пить чай, а мы остались и смотрѣли. Ровно черезъ часъ отчалила другая коломенка; снова шумъ, суматоха и крики. Коломенка эта пошла сначала какъ-то не ладно, бокомъ. На ней поднялась страшная ругань; караванный бросился въ лодку и что-то кричалъ, плывя вслѣдъ за коломенкой, но вотъ она сдѣлала туръ и еще туръ и тоже миновала опасное мѣсто. Караванный воротился обратно и, выходя изъ лодки, громко сказалъ: слава Богу! Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобъ на этомъ мѣстѣ не разбивалось нѣсколько коломенокъ; но на этотъ разъ не разбилась ни одна, и въ одиннадцать часовъ, отправивъ послѣднюю коломенку, караванный выпилъ еще на прощанье, сѣлъ въ косную и отплылъ, салютуя свой отвалъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами, которые гулко повторило горное эхо. Берегъ опустѣлъ. Всѣ мы отправились въ комнаты и, пообѣдавши наскоро, снова вышли на берегъ. Теперь мы смотрѣли вверхъ по Асьвѣ, ожидая появленія коломенки съ Петровской пристани. По расчету алакшинскаго управляющаго, она должна была проплыть мимо насъ въ

¹ Кормовыхъ веселъ бываетъ два: на носу и на кормѣ. Они состоятъ изъ толстаго бревна, въ нижній конецъ котораго вдѣливается гребокъ, а въ верхній—нѣсколько ручекъ. Чтобъ гребнуть такимъ весломъ, берутся за него разомъ человекъ десять. Гребные же весла употребляются уже тогда, когда выплывутъ въ Каму.

половинѣ перваго, если отвалить ровно въ 10 часовъ. На то, чтобъ проплыть сорокаверстное разстояніе, отдѣляющее Позори-ху отъ Петровской пристани, полагалось два съ половиной часа. Управляющій держалъ въ рукахъ часы и поглядывалъ кверху. 35 минутъ уже, и ничего не видно, 40 минутъ, 45. Появилось, что-то небольшое черное. Всѣ тщетно напрягали зрѣніе, стара-ясь разглядѣть чтѣ это такое. Вслѣдъ за этимъ, показались дру-гіе, еще болѣе мелкіе предметы. Они быстро приближались.

— Сума! закричали рабочіе, стоявшіе выше на берегу, а тамъ рукавицы, шапки...

— Ну, значить—убилась, проговорилъ управляющій, пряча часы въ карманъ. Мы глядѣли на плывущія мимо суму, рука-вицы и шапки и не замѣтили появленія вверху рѣки новаго предмета.

— А это—чтѣ? это—чтѣ? закричали на берегу. Всѣ, кто сидѣлъ, повскакали съ мѣстъ, и у всѣхъ захватило дыханіе. Схватив-шись за часть еще державшейся вмѣстѣ палубы¹ и кормовое весло, плыли нѣсколько человекъ. На самомъ краю торчала жен-ская, повязанная желтымъ платкомъ голова. Одной рукой жен-щина держалась за бревно, въ которомъ укрѣплялось кормовое весло, въ другой—держала узелъ, приподнявъ его на то же брев-но. Сама она была въ водѣ по поясъ. Кромѣ нея тутъ было еще трое мужчинъ. Ухватчики выплыли на трехъ лодкахъ, чтобъ пе-ренять потерпѣвшихъ крушеніе, но за быстротой не могли по-насть во-время, да и боялись, чтобы, при столкновеніи, не опрокину-лась лодка. Обломокъ проплылъ мимо насъ и, показавъ по оче-реди искаженные ужасомъ лица утопающихъ, устремился прямо на камни. Лодки плыли вслѣдъ за нимъ, тщетно кидая веревки утопающимъ. Вдругъ лодки быстро отвернули въ сторону, вы-дергивая обратно веревки, за которыя никто не успѣлъ ухва-титься.

— Крѣпче держитесь! Крѣпче! закричали съ лодки утопа-ющимъ:—сейчасъ васъ стукнетъ о камни. Баба! бросай узелъ, дер-жись обѣими руками!

Баба выпустила узелъ и обняла бревно съ силой отчаянія. Узелъ поплылъ одинъ, минуя камни и постепенно погружаясь. Раздался трескъ стукнувшей о камни палубы. Нѣкоторыя доски вынырнули торчмя изъ воды и быстро поплыли далѣе. Люди исчезли подъ водой всѣ, кромѣ бабы, которая плыла съ бревномъ прочь отъ камней, оттолкнутая силой удара. Ее первую пере-

¹ Палуба устраиваются въ видѣ плота, ни чемъ не прикрѣпляются къ судну и когда оно разобьется, то палуба снимается водой и плыветъ одна пика не развалится.

няли въ лодку. Переняли и еще двухъ, вынырнувшихъ изъ воды вмѣстѣ съ досками, а третій вѣрно убится и утонулъ. Его ужь и не искали, а везли на берегъ тѣхъ, которыхъ удалось спасти. Всѣ они страшно перекрѣпли и не могли сказать ни слова. Ихъ унесли въ казармы и велѣли имъ дать водки. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждали мы слѣдующей коломенки. Въ половинѣ второго она появилась и быстро проплыла мимо насъ, благополучно обогнувъ опасное мѣсто. Лопманъ махалъ шапкой въ знакъ привѣтствія и что-то кричалъ. Въ отвѣтъ, ему тоже кричали что-то и махали шапками. Ровно черезъ часъ появлялись коломенки одна за другой и благополучно проплыли всѣ. Вслѣдъ за послѣдней коломенкой, въ половинѣ восьмого, плыла лодка караваннаго. Съ нея сначала раздалось нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ, когда она поравнялась съ нами, караванный, высокій черноволосый мужчина, въ дубленомъ полушубкѣ, сдѣлавъ рупоръ изъ рукъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ, докладывая алексинскому управляющему.

— Благодареніе Господу, утонула всего одна коломенка!

— А людей сколько? спрашивалъ управляющій, также сдѣлавъ рупоръ изъ рукъ.

— Не считалъ! раздалось въ отвѣтъ.

Опять замахали шапками, раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, и послѣдняя лодка скрылась изъ глазъ.

— Ну, не хвастайся очень; впереди то еще много опасныхъ мѣстъ, проворчалъ управляющій, направляясь къ дому. И всѣ пошли за нимъ, проведя на берегу цѣлый день, съ семи часовъ утра и до восьми вечера. Усталая, голодная, назябшаяся, пришла я въ кухню попросить ѣсть. Тамъ сидѣла спасенная женщина, грустно понутивъ голову.

— Ты что такъ закручинилась? обратилась къ ней мать, хлопотавшая около печки въ кухнѣ.

— Хозяинъ, что-ли, твой утонулъ-то?

— Нѣтъ, моего хозяина вытащили, отвѣчала она, не поднимая головы.

— Такъ что же ты? Узла, что ли, жалко?

— Жалко, страсти какъ жалко! проговорила женщина, и по ея блѣдному и худому лицу быстро заструились слѣзы.

— Да что у тебя такое было въ узлѣ? спросила удивленная мать. — Перемѣнка бѣлья да развѣ еще хлѣба сколько-нибудь? Такъ чего же объ этомъ плакать. Слава Богу, что сама-то жива осталась!

— Нѣту, родная, не хлѣбъ былъ въ узлѣ-то, отвѣтила женщина: — робѣночекъ былъ у меня тутъ, всего двухнедѣльный еще...

И она закрыла лицо передникомъ и заплакала навзрыдь.

— Такъ зачѣмъ же ты его выпустила изъ рукъ-то? сказала мать, растерявшаяся отъ этого неожиданнаго объясненія.

— Да закричали: бросай узелъ, держись крѣпче! ну, я выпустила изъ рукъ, сквозь слёзы рассказывала женщина: — а онъ еще долго плылъ; я какъ ужъ въ лодкѣ была, такъ все видѣла, какъ онъ плылъ.

— Чтожь ты ничего не говорила мужикамъ? Можетъ быть, и поймали бы.

— Да языкъ отнялся: видѣть-то вижу, а говорить не могу; зубъ на зубъ не попадалъ, такъ меня трясло.

— Съ перепугу, замѣтила мать.—А какъ ты попала туда!

— На пристань-то? Да въ стряпкахъ я тамъ была у мужиковъ. Тамъ робѣночекъ у меня и родился. Оставаться-то тамъ нельзя мнѣ, домой надо попадать: весна теперь, работа. Я и вздумала: сплыву, молъ, на караванѣ. Да вотъ и утопила робѣночка! И она опять заплакала.

— Бѣдная ты! пожалѣла ее мать:—а еще есть у тебя дѣти?

— Нѣту, не живутъ. Четверо было, да умираютъ все. Думала этотъ жить будетъ: такой здоровенькій родился, да спокойный такой былъ. Ну что ты пособишь? опять вотъ что случилось!

Такъ-то невесело кончился день отвала каравана—день, котораго мы ожидали, какъ большого праздника.

IV.

СТРАДА.

Въ послѣднихъ числахъ іюня отецъ получилъ приказъ ѣхать страдовать. Это значило, что онъ долженъ былъ отправиться на юровскую пристань и тамъ наблюдать за рабочими, которыхъ вышлютъ изъ алакишинскаго завода. Я, разумѣется, стала проситься съ отцомъ. Я страшно наскучалась за зиму, и всякая поѣздка куда бы то ни было казалась мнѣ величайшимъ счастьемъ. Мать отпустила меня неохотно, и, конечно, еслибъ она знала, что такое страда на асывинскихъ лугахъ, то и совсѣмъ бы не отпустила. Мы выѣхали съ отцомъ въ восемь часовъ утра, но, такъ какъ ѣхали на одной только лошади и дорога была очень дурная, то пріѣхали на юровскую пристань почти ужъ вечеромъ.

Мы были очень утомлены и дорогой, и жаромъ іюньскаго дня. и когда наша усталая лошадка, спустившись въ ложбину, поворотила изъ-за горы на берегъ Асьвы, повѣявшей на насъ отрадной прохладой и свѣжестью, мы очень обрадовались. Гора, изъ-за которой мы выѣхали, спускалась къ Асьвѣ двумя неширокими уступами. На нижнемъ ея уступѣ пріютился деревянный, двух-этажный домикъ смотрителя. Узенькая лѣсенка, придѣланная къ лицевой сторонѣ дома, обращенной къ Асьвѣ, вела во второй этажъ, на широкое крыльцо съ навѣсомъ, въ родѣ балкона, висѣвшее почти надъ самой водой. Мы оставили лошадь во дворѣ, находящемся повыше на берегу, пѣшкомъ дошли до дома и тихонько, ни кѣмъ не замѣчанные, взобрались на крыльцо. Лѣстница была крутая и высокая, ступеней въ тридцать, и отецъ, взойдя, поспѣшилъ сѣсть и отереть свой вспотѣвшій лобъ.

— Посмотри-ка, мѣста здѣсь какія! сказалъ онъ, окидывая глазами открывавшуюся передъ ними мѣстность. Я взглянула сначала внизъ, на протекавшую подъ нами Асьву, на широкія луговины, залегшія по обѣимъ берегамъ ея, уходившія далеко къ верху по ея теченію и покрытыя густой богатой растительностью. Прямо передъ нами была прогалина: лѣсистые угоры какъ будто разступались въ этомъ мѣстѣ, и начинавшее понижаться солнце било изъ этой прогалины прямо въ глаза. Я отвернулась и стала смотрѣть внизъ по теченію Асьвы. Небольшая ложбина, изъ которой мы выѣхали на берегъ Асьвы, загораживалась высокимъ утесомъ, острымъ, каменистымъ угломъ врѣзывавшаяся прямо въ воду. Асьва скрывалась за этой горой, дѣлая поворотъ. На широкой луговинѣ на правомъ берегу Асьвы одиноко бѣлѣлъ высокій бѣлый камень, имѣющій видъ исполнской колонны. За нимъ начинались небольшие лѣсистые угоры, постепенно переходящіе въ цѣлую гряду высокихъ каменистыхъ отроговъ.

— Все то же, что и у насъ, сказала я, оглядѣвшись: — кругомъ горы.

— А вы вотъ завтра сходите на эту гору, вотъ что за домомъ-то, такъ съ нея богатый видъ будетъ; очень далеко видать, сказалъ сзади меня чей-то мужской голосъ. Я оглянулась: то былъ петровский смотритель, здоровавшійся съ отцомъ. Онъ пригласилъ насъ въ комнаты, и мы вошли.

Тамъ мы застали довольно странную сцену: алакшинскій управляющій, тотъ самый, что сплавлялъ караванъ, порядочно навеселѣ, сидѣлъ у окна, на которомъ стояла бутылка съ водой, а на столѣ другая, съ водкой, и возлѣ нея рюмка. Передъ нимъ,

въ почтительной позѣ, стоялъ высокій, сутулый рабочій въ нанковомъ кафтанчикѣ и, усмѣхаясь, теребилъ свою небольшую, темную бородку. Плутоватые, каріе глаза то бѣгали по сторонамъ, то въ упоръ глядѣли на управляющаго и снова скользили въ сторону.

— А! здравствуй Василій Степанычъ! проговорилъ управляющій, протягивая руку вошедшему отцу. — А я со вчерашняго дня здѣсь, съ утра. Ихъ тамъ лѣшій, что-ли, задавилъ?

— Кого это? спросилъ отецъ, не понимая вопроса.

— Да Кирилова съ рабочими. Никого, вѣдь, кромѣ этой дубины, нѣту здѣсь, сказалъ управляющій, ткнувъ пальцемъ въ сторону рабочаго, отошедшаго при нашемъ появленіи къ дверямъ. — Да и онъ-то потому здѣсь, что водкой пахнетъ. Знаешь, чѣмъ я тутъ съ утра занимаюсь?

— Нѣтъ, не знаю. Можетъ, рыбачили, сказалъ отецъ, подсаживаясь къ управляющему и вытаскивая свой кисетъ и трубку.

— Г-мъ, рыбачили... промычалъ управляющій: — вотъ явилась эта дубина да и говорить мнѣ: «съ началомъ сѣнокоса!» А у меня тутъ на столѣ бутылка съ водой стояла. Ну, говорю, выпей рюмку водки. Наливай, говорю, самъ. Вотъ онъ и хлопнулъ. Что, каково? спрашиваю. Ничего, говоритъ: кабы другую, да не такую. Ну, погоди, говорю, подамъ и не такую, а ты вотъ эту посудину прежде опростай. Онъ, каналья, черезъ горлышко было принялся! Нѣтъ, говорю, пей по рюмочкѣ. Да такъ вотъ съ утра то восьмую бутылку воды этой онъ и тянетъ. А выпьетъ бутылку воды, тогда я ему рюмку водки на закуску...

Управляющій расхохотался, хохоталъ смотритель, разсмѣялся и отецъ.

— Что-же? отъ скуки — и то занятіе, проговорилъ онъ.

Для того, чтобъ трава была скошена, высушена и сметана въ стоги, управляющимъ и смотрителямъ, разумѣется, не было надобности пріѣзжать, такъ какъ изъ среды рабочихъ же выбирались нарядники, которымъ и поручалось непосредственное наблюдение за уборкой сѣна; но они, все-таки, пріѣзжали и приказывали смотрителямъ пріѣзжать, чтобъ покутить вмѣстѣ. Водка отпускалась на угощеніе рабочихъ заводовладѣльцемъ довольно щедро, но собственно рабочимъ водки этой попадало очень не много: угощались только тѣ, къ кому начальство особенно благоволило, и тѣ, которые сами назойливо выпрашивали, потѣшая начальство услугами, шутками и чѣмъ только могли. Часовъ съ десяти утра начиналась выпивка и карты. Затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ и послѣобѣденный сонъ. Затѣмъ чаепитіе, снова выпивка и карты, вечеромъ устраивалась рыбная ловля. Такъ проходило

иногда съ недѣлю времени, и дней пять, если погода благопріятствовала.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, пришли рабочіе, но еще не всѣ: остальные пришли только на другой день поутру. Когда часовъ въ восемь утра, я вышла на крыльцо, трава на ближайшихъ луговинахъ была уже подкошена, и вездѣ, куда могъ достичь глазъ, виднѣлись головы рабочихъ или ихъ согнутыя спины, и поблескивали на солнцѣ косы. Дологъ и скученъ показался мнѣ этотъ день, потому что я не знала, чѣмъ его наполнить. Ягодъ собирать, которыя я любила, по близости не было никакихъ, и, побродивъ нѣкоторое время по ближайшимъ склонамъ горъ, я воротилась въ комнаты, занимаемыя семействомъ смотрителя, и принялась возиться съ его двухлѣтнимъ сынишкой. Къ вечеру пріѣхали еще гости: братъ жены смотрителя, фельдшеръ и его сестра, молоденькая дѣвушка. Она очень понравилась мнѣ. Мы просидѣли съ нею на крыльцѣ весь вечеръ, разговаривая, и условились ѣхать вмѣстѣ въ алакишинскій заводъ на слѣдующее же утро.

— Оттуда я какъ нибудь попаду домой, говорила я ей:—а те ждать здѣсь, когда отецъ поѣдетъ, не хочется.

— Чтоже ждать-то? соскучитесь однѣ. Здѣсь только и удовольствія, что пѣсенъ наслушаемся вволю, сказала моя новая знакомка.

И дѣйствительно, въ этотъ вечеръ мы наслушались пѣсенъ вдоволь. Рабочіе разложили костры по берегамъ Асвы и, расположившись группами, пѣли почти неумолкая. Невозмутимая тишина благодатной, теплой, напоенной ароматомъ скошеннаго сѣна ночи, ясное звѣздное небо съ подымавшимся изъ-за горы мѣсяцемъ, узенькой полоской отражавшееся въ спокойной, тихо журчащей Асвѣ, располагали къ мечтальности и къ безмолвному созерцанію. Мы притихли и, усѣвшись на ступени крыльца, слушали молча.

— Кто это поѣтъ тамъ, съ этой стороны? спросилъ за нами чей-то хриплый голосъ. Мы оглянулись. Вверху лѣстницы, держась за перила, стоялъ управляющій и мутными, посоловѣлыми отъ двухдневнаго пьянства глазами глядѣлъ на насъ, указывая одной рукой куда-то въ пространство.

— Мы не знаемъ, отвѣтила моя собесѣдница.

— Эй, сюда! Кто нибудь! Сюда! крикнулъ управляющій.

Шедшій по берегу рабочій, до котораго долетѣлъ этотъ возгласъ, сейчасъ же подбѣжалъ къ крыльцу и почтительно снялъ фуражку.

— Кто тамъ поетъ? спросилъ у него управляющій, показывая рукой за домъ.

— Не могу знать-съ; наши всѣ здѣсь, отвѣтилъ рабочій, показывая рукой на ближайшую къ дому группу. Управляющій съ минуту молчалъ, прислушиваясь.

— Чудесно поютъ, сказалъ онъ, наконецъ, какимъ-то умиленнымъ тономъ:—Ишь, подлецы, какъ заливаются! И махнувъ рукой, управляющій добавилъ уходя:—снеси имъ штофъ водки туда.

Рабочій последовалъ за нимъ и черезъ нѣсколько времени, со штофомъ за пазухой, почти бѣгомъ бѣжалъ по узенькой тропинкѣ, огибающей возлѣ самой воды утесъ, отыскивать прельстившихъ управляющаго пѣвцовъ. Но черезъ полчаса онъ вернулся съ вытянутымъ и недовольнымъ лицомъ; штофъ съ водкой былъ у него цѣлъ. Мы, въ это время, только-что сѣли за ужинъ, накрытый на крыльцѣ.

— Тамъ никого нѣту-съ, доложилъ рабочій, всходя на крыльцо и останавливаясь передъ управляющимъ. Тотъ не сейчасъ вспомнилъ, куда посылалъ рабочаго, но, увидавъ штофъ съ водкой, который рабочій вытащилъ изъ-за пазухи, вспомнилъ.

— Какъ никого нѣтъ! Кто-жь поетъ?

— Да никто не поетъ. Я, какъ забѣжалъ за гору, такъ ничего и не стало слышно. Я думалъ—замолчали, давай кричать: Эй, ребята, сюда! Сюда, на берегъ! никто не отзывается. Я еще побѣжалъ впередъ, еще покричалъ. Все-таки, никого неслышно, я и вернулся.

Управляющій поднялся изъ-за стола и слушалъ.

— Да вотъ, вѣдь, ты слышишь: опять поютъ? Слышите всѣ? Всѣ встали изъ-за стола и начали слушать. Дѣйствительно, за горой пѣли любимую пѣсню алакшинскихъ рабочихъ и пѣли великолѣпно. «Ахъ, вы ночи-ли, ночи темныя» слышалось изъ-за горы.

— Ну вотъ, вѣдь, слышишь? повторилъ управляющій, обращаясь къ рабочему.

— Слышу съ, отвѣтилъ рабочій, прислушиваясь и въ тоже время поглядывая на ближайшую артель сидѣвшихъ около костра рабочихъ. Они сидѣли какъ разъ противъ утеса и то-же пѣли «Ночей».

— Да это они поютъ, а тамъ только отдается-съ, сказалъ онъ, наконецъ, какъ-то нерѣшительно, точно боясь, что на него разсердятся. Снова всѣ начали слушать. Рабочіе вдругъ смолкли; гора, отчетливо повторивъ послѣднія слова пѣсни, постепенно

замоледа, и только звучный гулъ колебалъ свѣжій ночной воздухъ.

Всѣ громко расхохотались, когда поняли ошибку.

— Что же ты давече не сказалъ? обратился управляющій къ рабочему.

— Дя, я давече и самъ не могъ разобрать, гдѣ поють, сказалъ рабочій, все еще державшій штофъ въ рукахъ.

— Ну, такъ снеси ты этотъ штофъ въ свою артель, сказалъ управляющій, и рабочій убѣжалъ съ просіявшимъ лицомъ. Долго еще смѣялись надъ ошибкой; а рабочіе, получившіе штофъ водки, закричали, ура! и гора повторила это «ура» и съ прежней отчетливостью стала повторять разудалую «молодку», смѣнившую заунывные «ноченьки». Послѣ ужина, всѣ, кто еще могъ держаться на ногахъ, сошли на берегъ, подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться на свѣтлую Асьву, отражавшую утесистые берега и узенькую полоску далекаго звѣзднаго неба. Всѣ мы, кромѣ отца, заснувшего за столомъ, тихо подвигались по берегу къ ярко пылавшему костру. Я оглянулась на домъ, оставшійся позади насъ и на бѣловатую каменную гору за домомъ, облитую блѣднымъ свѣтомъ восшедшаго мѣсяца, и увидала, что по крутой тропинкѣ, гдѣ я съ трудомъ могла пройти днемъ, быстро спускалась какая-то высокая сгорбленная фигура съ палкой въ рукахъ. Я указала на эту фигуру другимъ.

— Еще кого-то Богъ даетъ изъ завода, сказалъ петровскій смотритель. Въ это время, мы подошли къ костру со стороны Асьвы и остановились, и почти одновременно съ нами высокая фигура тоже подошла къ костру со стороны горы, и его яркое пламя освѣтило атлетически сложеннаго темноволосаго мужика съ страшно блѣднымъ лицомъ и унылымъ, потухшимъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ. Его сильная мускулистая рука сжимала толстую суковатую палку. Онъ молча поклонился, подойдя къ костру, и съ минуту молчалъ, тяжело дыша. Это былъ лѣсникъ или, по мѣстному названію, старожилъ съ Переломной Горы, верстахъ въ пяти отъ петровской пристани. Кто-то изъ рабочихъ обратился къ нему съ вопросомъ, не помню, какимъ, но помню его отвѣтъ, поразившій всѣхъ и разомъ заставившій примолкнуть и пѣсни, и говоръ.

— Собака бѣшенная меня искусала третьяго дня. Ни пить, ни ѣсть не могу, тоска напала страшная, мѣста себѣ избрать не знаю. Услыхалъ, что куда пріѣхалъ фельдшеръ, и пришелъ, не сvezётъ-ли меня въ больницу, говорилъ лѣсникъ нѣсколько хриплымъ голосомъ. Сказавъ это, онъ обвелъ всѣхъ грустными, вдругъ вспыхнувшими лихорадочнымъ блескомъ глаза-

ми и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, опустилъ ихъ въ землю и поникъ головой, крѣпко опершись на глубоко вдавившуюся въ землю палку. Все его красивое блѣдное лицо исказилось отъ нестерпимаго страданія.

— Чтожъ тотчасъ не шелъ въ больницу? спросилъ его кто-то, когда прошелъ первый моментъ горестнаго удивленія.

— Да думалъ такъ пройдетъ. Вѣдь, я самъ прижогъ раны-то каленымъ желѣзомъ; думалъ—пройдетъ, сказалъ онъ, не подымая головы.

— Ахъ, ты бѣдняга, бѣдняга! говорили рабочіе, обступая его.

— Однако, братцы, вы бы отъ меня подальше, сказалъ лѣсникъ, вдругъ поднявъ голову и снова оглядывая всѣхъ.—Больно мнѣ тяжело. Связали бы вы меня, братцы; нѣтъ-ли возжей крѣпкихъ. У меня, вѣдь, силища-то страшная, одинъ на медвѣдя хаживалъ. И, снова вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ переломилъ свою толстую палку, какъ тоненькую тросточку. Трескъ переломившагося дерева, казалось, еще болѣе усилилъ его страданія и, щелкая зубами, онъ закрылъ глаза и протянулъ руки.

— Вяжите, вяжите! бормоталъ онъ:—вяжите хоть кушакомъ.

Дѣйствительно, кто-то изъ рабочихъ загнулъ ему руки назадъ и связалъ ихъ кушакомъ, пока другіе бѣгали за возжами. Принесли возжи и вскорѣ подали лошадь фельдшера. Связаннаго по рукамъ и по ногамъ лѣсника усадили въ тележку; двое рабочихъ сѣли по сторонамъ его, а самъ фельдшеръ на козлы и они поѣхали по алакшинской дорогѣ. Мы съ сестрой фельдшера должны были остаться почевать.

Замолели пѣсни, и только боязливый, полный глубокаго сожалѣнія и участія говоръ долго еще слышался у костровъ.

Послѣ мы узнали, что лѣсникъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ страшныхъ мученіяхъ.

V.

Пропалъ безъ вѣсти.

Помнится, это было въ концѣ лѣта или уже въ началѣ осени; къ намъ поступила новая кухарка. Это была высокая и плотная женщина съ длиннымъ, некрасивымъ лицомъ и грубымъ, почти мужскимъ голосомъ; звали ее Ульяной. Она понравилась моей матери опрятностью и умѣньемъ ходить за коровами. Она

жила у насъ уже съ недѣлю, какъ къ намъ пріѣхалъ управляющій изъ алакишинскаго завода. Между прочимъ, онъ спросилъ объ Ульянѣ и, узнавъ, что она живетъ у насъ, велѣлъ позвать ее въ комнаты.

— Ульяна, тебя Андрей Алексѣичъ зоветъ! прибѣжала я въ кухню.

— Чего ему? не иду я, грубо отрѣзала она, не трогайся съ мѣста.

— Какъ не пойдешь, зоветъ, вѣдь! Чего-жь ты? Иди.

— Сказала, не пойду. Такъ и ему скажи: не пойдетъ, молъ.

Она сѣла за гралку и такъ усердно начала пряхъ, что только веретено прыгало и жужжало. Ея и безъ того непривѣтливое лицо стало еще суровѣе; широкія русыя брови насупились, губы сжались. Я постояла передъ ней съ минуту, удивленная и недоумѣвающая, и пошла въ комнаты.

Управляющій разсмѣялся, когда я передала ему отвѣтъ Ульяны, и пошелъ самъ въ кухню. За нимъ шла мать и говорила, что ей очень жаль будетъ лишиться Ульяны, что она—такая работающая и опрятная. Изъ этого я заключила, что управляющій хочетъ увести Ульяну.

— Ты опять ушла отъ мужа? обратился Андрей Алексѣичъ къ Ульянѣ, которая и не подумала встать и оставить свою работу при его входѣ. Она молчала и не глядѣла на него.

— Идолъ ты эдакой! вѣдь, я тебя веревками велю связать да увести къ нему.

Ульяна все молчала и пряха.

— Чортъ, не баба! вскричалъ управляющій и, выхвативъ веретено изъ рукъ Ульяны, забросилъ его на палаты.

Ульяна быстро встала и, держась одной рукой за пралку, начала говорить спокойно и самоувѣренно:

— Я тебѣ сказала, Андрей Алексѣичъ, что не стану съ имъ жить—и не стану, хоть что дѣлай. Увезете вы меня, а я опять уйду. Я у отца и матери жила въ достаткѣ, а онъ меня содержать въ бѣдности, силы у его нѣтъ, хорошую работу робить не можетъ, живетъ въ караулахъ, а въ его-ли года жить въ караулахъ. Коровы купить не можетъ... Я поколь въ силахъ, хоть сама что ни на есть зарѣблю. Здѣсь я живу въ теплѣ, и сытъ, и жалованье получаю, а съ имъ что я выживу?

— Да, вѣдь, онъ мужъ—тебѣ, пойми ты, отпѣтая! горячился Андрей Алексѣичъ.

— Что—штѣ мужъ! наплевала бы я на его.

— Такъ не пойдетъ ли онъ къ намъ жить? спросила мать,

которой очень не хотѣлось отпустить Ульяну. — Вотъ, вмѣсто Оадеа, и пусть живетъ.

— Хорошо, я пошлю его сюда.

— Ладно, пусть придетъ, я его выутюжу, сказала Ульяна сквозь зубы, когда управляющій и мать выходили изъ кухни, и въ тонѣ ея голоса слышалось столько гнѣва и презрѣнія, что я такъ и порѣшила, что при встрѣчѣ не обойдется безъ драки, и ужъ заранѣе представляла себѣ, какъ она будетъ утѣшить своего супруга, боясь только одного — какъ бы не прозвѣвать этой интересной сцены.

Весь другой день я поджидала мужа Ульяны и, все-таки, не видала, какъ онъ пришелъ. Онъ пришелъ рано утромъ, дня черезъ два послѣ того, какъ былъ у насъ управляющій, и, когда я встала и вышла изъ комнаты, онъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и смазывалъ тележку въ оградѣ. Я спустилась съ крыльца и подошла къ нему. Это былъ не высокій съ узенькими плечами и впалой грудью мужикъ. Худое испещренное рябинами лицо съ жиденкой желтоватой бородкой и такими же волосами уныло выглядывало изъ-подъ неуклюжей войлочной шапки. Его сѣровато-голубые глаза на нѣсколько мгновеній остановились на мнѣ и потомъ скользнули въ сторону съ выраженіемъ какой-то тоскливой тревоги. Эта тоскливая тревога проглядывала у него всегда и во всемъ. Ульяна держала себя первое время въ отношеніи его очень сдержанно и почти постоянно молчала. За то Данило (такъ звали ея мужа) неутомимо заговаривалъ съ нею, и хотя его часто обрывали выраженіями самаго глубочайшаго презрѣнія, онъ только испуганно моргалъ глазами и умолкалъ, но не надолго. Съ нами онъ иногда разговаривалъ въ отсутствіи Ульяны, но при ней его разговоры всегда прерывались какими-нибудь крайне грубыми и насмѣшливыми замѣчаніями съ ея стороны.

Такъ, когда-то онъ рассказалъ намъ, что родомъ онъ изъ-подъ Кумора, изъ крестьянъ, что отецъ Ульяны взялъ его въ домъ и велѣлъ ему переписаться въ мастеровые, но послѣ — на другую дочь взялъ другого зятя, а его не залюбилъ и выгналъ изъ дому. Что съ тѣхъ поръ и жена его не стала любить.

— А прежде любила? спросила я.

— Да хошь не любила, а все же лучше была. А теперь, вѣдь, она меня готова со свѣту сжить. Я это въ караулѣ собачку себѣ завелъ, небольшую, Шарикомъ звали — такъ она и ее заненавидѣла. Бросила одна въ ее камнемъ, да въ самую спину изгадала, та тутъ и присѣла; покорчилась маленько да и поколѣла.

— Тебѣ жалко было?

— Жалко. Такая ласковая была собаченка! Пса, баеть, выдумалъ заводить, а ты бы, баеть, завелъ корову. А собака—что же? вѣдь, тоже животная. Въ глаза тебѣ глядитъ, точно молвить хочетъ, говорилъ Данило.—Просился нынѣшнимъ лѣтомъ опять въ крестьяне, да она не захотѣла: не пойду, баеть, и не думай въ крестьянки. Да и управляющій не согласился: гдѣ, баеть, тебѣ крестьянскую работу править: вишь, ты какой лядашій. И по-что онъ меня такъ обозвалъ, не знаю! Данило вздохнулъ и задумался.

Вскорѣ послѣ этого разговора, въ ненастное сентябрьское утро, когда мы сидѣли вокругъ стола, съ верховьевъ Асьвы приплыла лодка и въ ней нѣсколько мужчинъ и женщина съ веревочными путами на рукахъ и ногахъ. Женщина эта убила свекра, и ее везли въ алакшинскій заводъ для отправки въ уѣздный острогъ и преданія суду. Когда намъ сказали, что привезли убійцу и что она сидитъ на кухнѣ, мы всѣ пошли посмотреть на нее. Мать ожидала увидѣть нѣчто ужасное и очень удивилась, увидавши полненькую, небольшого роста бабеночку, лѣтъ двадцати пяти, съ быстрыми карими глазами и маленькимъ вздернутымъ носомъ. Ея верхняя губа тоже слегка вздергивалась кверху и даже не прикрывала зубовъ бѣлыхъ и мелкихъ, какъ у кошки. При нашемъ входѣ, она съ минуту молча глядѣла на мать и потомъ вдругъ обратилась къ ней съ просьбой.

— Будь мать родная, возьми моего-то ребенка въ дочери. Вѣдь, онъ ни въ чемъ неповиненъ: за что ему страдать?

— Да гдѣ онъ у тебя? спросила мать.

— А вотъ туто на лавкѣ спать.

Мать заглянула подъ брошенную на лавкѣ шубу, гдѣ спала укрытая совѣмъ съ головой дѣвочка лѣтъ двухъ, и вздохнувъ сказала:

— Не надо мнѣ, у меня своихъ много. Потомъ она что-то стала спрашивать у женщины, а насъ выслала изъ кухни.

Шелъ сильный дождь весь день, и мужики выпросили у отца позволеніе провести у насъ день и ночевать. Они и такъ всѣ перемокли и перезябли дорогой, и имъ хотѣлось немножко отдохнуть и обсушиться. Насъ не пускали въ кухню весь день.

— Что, дѣвочка проснулась? спросила мать, когда Ульяна подала намъ обѣдъ. Она набрала ей старенькихъ рубашекъ моей сестры и хотѣла переодѣть ее.

— Давно не спитъ. Дуракъ-отъ у меня ея съ рукъ не спускаетъ, сердито сказала Ульяна, уходя.

— Пусть ее сюда принесутъ, крикнула ей вслѣдъ мать.

Вошелъ Давило съ дѣвочкой на рукахъ. Ея голова была повязана какой-то синей тряпкой; синяя же холщевая рубашка одѣвала ея миниатюрную фигурку. Крохотныя покраснѣвшія ножки были босы. Дѣвочка держала палецъ во рту и глядѣла вокругъ себя широко раскрытыми удивленными глазами васильковаго цвѣта. Данило поставилъ ее на полъ и велѣлъ идти къ барынѣ. И она пошла, слегка переваливаясь и нисколько не робѣя. Мать сняла съ ея головы синюю тряпицу, и густые волосы льняного цвѣта, шелковистые и мягкіе, какъ ленъ, волнистыми прядями обрамили ея хорошенькое личико. Мы усадили ее на стулъ и принялись угощать, чѣмъ могли. Она быстро развеселилась, трогала все на столѣ своими маленькими рученками, лепетала что-то и стучала ложкой по столу. Изъ ея лепета мы поняли только, что она все хвалила.

— Ай баско, ай баско! говорила она, притрогиваясь то къ тарелкѣ на столѣ, то къ яркому платку на шеѣ матери, то стучая по столу серебряной ложкой. Тарелки она называла ставцами. Она говорила довольно чисто, только на мѣстномъ нарѣчїи, и мы плохо понимали ее. Данило стоялъ у дверей и переводилъ намъ то, чего мы не понимали. Послѣ обѣда, мать переодѣла дѣвочку въ рубашку и платье сестры, а снятую рубашку велѣла вымыть, и голые ножки обула въ шерстяные чулочки и старенькіе башмаки. Дѣвочка гладила на себѣ платье рукой, гладила чулки и башмаки и долго не рѣшалась въ нихъ ходить. Но, наконецъ, пошла робкими неловкими шагами, высоко подымая ноги. Я подошла къ Данилѣ, все еще стоявшему у дверей, и спросила:

— А что, вѣдь хорошенькая дѣвочка?

Данило не отвѣтилъ. Я взглянула на него: въ глазахъ у него стояли слѣзы, и все лицо какъ-то странно измѣнилось. И умиленіе, и жалость, и глубокая нѣжность сквозили во всѣхъ чертахъ его лица, въ нервно подергивавшихся губахъ, въ глазахъ, устремленныхъ на ребѣнка.

— Что это ты, Данило? спросила я, удивившись.

— Да ничего, съ усиліемъ выговорилъ онъ, моргнувъ глазами. Двѣ крупныя слезы скользнули съ рѣсницъ и упали на рукавъ его полушубка.

— Пойдемъ, голубушка, я унесу тебя къ мамкѣ, проговорилъ Данило, подходя къ дѣвочкѣ и подымая ее на руки. Мы запросили было, чтобъ онъ оставилъ дѣвочку съ нами, но онъ, подъ предлогомъ, что ребѣнокъ своимъ шумомъ помѣшаетъ матери уснуть послѣ обѣда, унесъ дѣвочку въ кухню. Когда мать уснула, я пробралась въ кухню, чтобъ еще разъ посмотрѣть на убійцу и на ея хорошенькую дѣвочку. Данило сидѣлъ у стола, дер-

жа дѣвочку на колѣняхъ и забавлялъ ее старыми разрозненными картинками, которыя были выметены съ соромъ изъ комнаты. Мать дѣвочки спала на лавѣ, закрывшись шубой; на палатахъ спали привезшіе ее мужики. Ульяна мыла посуду, сердито постукивая тарелками.

— Ступай, дай сѣна коровамъ! крикнула она, не оглядываясь и не называя мужа.

Но Данило не двигался съ мѣста: онъ, кажется, даже не слышалъ этого приказанія.

— Тебѣ говорятъ! повторила Ульяна, полуоборотившись и искоса взглянувъ на мужа, раскладывавшаго на столѣ карты. Опять Данило не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Пойдешь ты, али нѣтъ? закричала, наконецъ, Ульяна, подходя къ столу.

Данило слегка вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Не пойду, сказалъ онъ тѣмъ же покорнымъ тономъ, какимъ отвѣчалъ «сейчасъ!» только смыслъ словъ былъ другой:— ступай сама.

Ульяна даже руками хлопнула отъ удивленія и ушла изъ кухни исполнять работу мужа, должно быть, первый разъ въ жизни. Я тоже скоро ушла и даже не видала болѣе хорошенькой дѣвочки. Ее увезли вмѣстѣ съ матерью на другой день рано утромъ. Послѣ уже узнали мы о сценѣ, разыгравшейся между Ульяной и ея мужемъ въ ночь, которую убійца провела у насъ. Разбудивъ ночью жену, Данило принялся уговаривать ее взять въ дочери ребѣнка убійцы, съ неожиданными для него настойчивостью и энергіей. Онъ убѣждалъ ее всячески, умолялъ со слезами, но Ульяна и слышать не хотѣла. Тогда Данило сказалъ, что онъ самъ возьметъ дѣвочку, возьметъ да и только, не поглядить на нее, свою всегдашнюю супротивницу.

— Только смѣй, придурай ты этакой! я и тебя, и ее зашибу, какъ собаку! сказала ему на это Ульяна.

— Ее зашибешь? ребѣнка-то? ужаснулся Данило.

Мать дѣвочки проснулась и, вслушавшись въ споръ, разомъ прекратила его:

— Не отдамъ я вамъ ребѣнка, хоша бы вы и оба согласны были, сказала она: — вы, бѣдные, сами ничего не имѣете—гдѣ вамъ ребѣнка содержать! Мнѣ охота отдать ее въ хорошіе люди, чтобы она нужды не знала.

Тщетно умолялъ Данило обѣихъ женщинъ; ни одна не согласилась. Крестьянка, впрочемъ, можетъ быть, и согласилась бы, но жена Данилы слышать ничего не хотѣла. Дня два послѣ этого Данило ходилъ, какъ въ воду опущенный; онъ вдругъ

какъ-то похудѣлъ и осунулся, тревожное выраженіе глазъ смѣнилось какимъ-то тупымъ уныніемъ. Онъ почти ничего не говорилъ съ женой и или сидѣлъ неподвижно въ углу, облокотившись руками на колѣни, или копался гдѣ-нибудь во дворѣ. Двое изъ троицъ мужиковъ, сопровождавшихъ преступницу, возвратились черезъ два дня и сказали, что ее, въ сопровожденіи третьяго изъ нихъ, отправили къ исправнику, что дѣвочку въ заводѣ не взялъ никто, и она увезла ее съ собой. Послѣ уже, зимой, мы узнали, что дѣвочку взялъ знакомый отцу и матери бездѣтный сельскій приказчикъ. Онъ былъ человѣкъ зажиточный, и съ этой стороны желаніе бѣдной крестьянки исполнилось. Мужики ночевали у насъ и на другой день отправились домой. Путь предстоялъ имъ трудный: подниматься вверхъ по Асьвѣ въ лодкѣ не было никакой возможности, съ дождей она прибыла сильно, мѣстами даже выступила изъ береговъ; поэтому, они отправились пѣшкомъ глухими лѣсными тропинками, идущими къ верховьямъ Асьвы вдоль горныхъ краяей. Соединеніе на лошадьяхъ съ верховьями Асьвы возможно бываетъ только зимой. Они уложили по полупуду хлѣба въ свои кожанныя сумы, туда же запрятали соль и порохъ, которымъ запаслись въ алакшинскомъ заводѣ, и очень благодарили мать за коробку спичекъ, которую она дала имъ на дорогу, предварительно уложивъ ее въ жестяную коробку. Одинъ изъ нихъ еще не видалъ спичекъ, хотя и слышалъ объ нихъ, и очень удивлялся, когда чиркнутая о стѣну спичка загоралась. Другой уже видалъ и даже искалъ ихъ купить въ алакшинскомъ заводѣ, но не нашелъ. Спички только около того времени начали входить у насъ въ употребленіе. Оба мужика были высокіе, широкоплечіе, съ умными, энергичными лицами, съ красивыми темнорусыми волосами. У обоихъ было по кремневому ружью за плечами, по ножу за голенищемъ бахилъ¹ и по топору за кушакомъ. Оба промышляли звѣроловствомъ и охотой и, переплывъ противъ насъ Асьву на лодкѣ, спокойно и смѣло углубились въ лѣсъ, гдѣ въ теченіи двухсуточного пути имъ не предстояло встрѣчать жилья человѣческаго. Проводивъ глазами ихъ узковерхія шапки изъ оленьей кожи, долго мелькавшія между обнаженными отъ листьевъ кустарниками, мы съ отцомъ вернулись въ комнаты. Отцу хотѣлось въ тотъ день ѣхать въ алакшинскій заводъ на именины къ управляющему, но мать не соглашалась. Дорога

¹ Бахилы, родъ сапогъ, голенищи которыхъ привязываютъ крестъ на-крестъ ремешками отъ щиколки и до колѣна; подошва широкая, безъ каблука; носокъ тупой.

послѣ дождя испортилась, а лошадь у насъ хромала уже другую недѣлю и ѣхать на ней было почти невозможно. Но, раздумавши ѣхать въ алакшинскій заводъ, отецъ рѣшился поздравить управляющаго письмомъ и, написавъ его, послалъ съ нимъ Данилу. Мать тоже дала ему какія-то порученія и наказала не возвращаться вечеромъ, а отправиться въ обратный путь утромъ другого дня. Данило сунулъ письмо за-пазуху, молча выслушалъ приказанія матери и, привѣсивъ за плечи четвертной боченокъ въ холщевомъ мѣшкѣ, предназначавшійся для водки, ушелъ изъ дому часовъ въ десять утра. Въ костюмѣ своемъ онъ не измѣнилъ ничего, а, какъ ходилъ дома въ потасканномъ синемъ бешметѣ и войлочной шапкѣ, такъ и ушелъ. Тщетно мы ждали его на другой и на третій день—Данило не возвращался.

Прождавъ два дня, отецъ поѣхалъ самъ въ алакшинскій заводъ узнавать, что случилось съ Данилой, и возвратился на другой день на здоровой лошади, которую ему дали съ алакшинской конюшни вмѣсто нашей больной, и съ другимъ вучеромъ. Данило не приходилъ въ заводъ, никто не видалъ его тамъ. Управляющій общался послать его поискать, хотя и не было возможности предположить, что онъ заблудился, такъ какъ дорога отъ насъ до алакшинскаго завода была широкая и незачѣмъ было Данилѣ заходить въ лѣсъ. Несмотря на ненастье, дорогу и ея окраины обыскали, заглядывали въ канавы и ямы, смотрѣли подъ мостиками, въ рвахъ и болотинахъ, и нигдѣ ничего, даже слѣда никакого не нашли. Такъ и пропалъ Данило. Много разъ, въ долгіе осенніе вечера, прислушиваясь къ шуму вѣтра и завыванью волковъ, которыхъ въ эту осень было какъ-то особенно много, мы говорили о томъ, куда бы это могъ пропасть Данило, и дѣлали различныя предположенія. Сестры говорили, что его волки съѣли, я—что убили разбойники, мать—что онъ ушелъ въ свою родную деревню или куда-нибудь странствовать; но отецъ возражалъ намъ, что волки днемъ на людей не нападаютъ, разбойниковъ въ лѣсахъ у насъ нѣтъ, а въ свою деревню Данилѣ идти незачѣмъ. Однакожь, въ мѣсто родины Данилы написали и спрашивали о немъ, объявили и по всѣмъ другимъ сѣламъ и заводамъ и, все-таки, не узнали ничего. Никто ничего не слыхалъ о Данилѣ, не видалъ ни его, ни вещей которыя на немъ были. На томъ и порѣшили, что онъ пропалъ безъ вѣсти.

VI.

Прошла зима и снова наступила весна. Полтора года уже прожили мы на Позорихѣ, а положеніе нашихъ дѣлъ нисколько не измѣнилось. Зимой мать ѣздила въ Кужгортъ—просить главноуправляющаго о перемѣщеніи отца въ какое-нибудь другое мѣсто, и онъ обѣщалъ. Однакожь, ожидаемаго распоряженія по этой просьбѣ не получилось ни зимой, ни весной.

— Забыли насъ здѣсь, тоскливо говорила мать: — знать, тутъ мы и останемся на вѣкъ, въ этой трущобѣ.

— Чтò-жь, и въ трущобахъ люди живутъ, съ досадой возражалъ отецъ, котораго сердило постоянное недовольство матери.

Онъ скучалъ сильно и самъ, но не жаловался и даже какъ будто не желалъ перемѣны. Однакожь, мать ѣздила въ Кужгортъ съ просьбой съ его согласія. Во время ея отсутствія отецъ выписалъ двѣ газеты: «Сынъ Отечества» и «Московскія Вѣдомости» и зачитывался ими. Такъ какъ время было военное (это было въ севастопольскую войну), то газеты имѣли особенный интересъ. Только и было разговоровъ и толковъ, что о войнѣ и о политикѣ. У отца и алаштинскаго управляющаго споры по поводу политическихъ соображеній доходили до ссоръ. Часто даже карты забывались для этихъ споровъ. Взамѣнъ газетъ, выписываемыхъ отцомъ, мы получали изъ алаштинскаго завода «Собраніе Романовъ» и «Русскій Вѣстникъ», и я зачитывалась до одурѣнія. Мать, хотя и любила иногда послушать мое чтеніе, все-таки, была очень недовольна, что я для книжки готова все забыть. Чтобъ отвлечь меня отъ этого и поучить чему-нибудь путному, она великимъ постомъ свезла меня въ заводъ къ молоденькой вдовѣ-управительшѣ, поселившейся тамъ зимой. И я, въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцовъ, изучала искусство шить по канвѣ, гладью, строчить строчки и плести кружево. Насъ училось у управительши пять дѣвочекъ, и по вечерамъ мы танцовали подъ звуки стараго органа до того испорченнаго, что по временамъ онъ только хрипло вздыхалъ и шипѣлъ, точно тяготился своимъ положеніемъ. Всякій разъ это хрипѣнье и вздохи вызывали въ насъ припадки неудержимой веселости. Жизнь эта до того понравилась мнѣ, что когда, въ половинѣ іюня, мнѣ пришлось вернуться домой, я была очень огорчена. А уѣхать понадобилось потому, что управительшу сталъ сватать какой-то женихъ, и она уѣхала въ Кужгортъ, чтобъ тамъ сыграть свадьбу, и ея маленькая школа рукодѣлья

и танцованія закрылась. По приѣздѣ домой, я сначала сидѣла за пѣльцами по цѣлымъ днямъ, показывая матери пріобрѣтенныя мной познанія. Не оставляла также упражняться и въ тапцахъ, что дѣлалось всегда во время послѣбобѣденнаго отдыха. Я становилась передъ зеркаломъ въ позицію, присѣдала, кланялась, танцевала вальсъ, безъ кавалера и музыки, и учила сестеръ фигурамъ кадрили. Но вскорѣ все это надоѣло мнѣ, и я снова принялась за чтеніе романовъ, а чтобъ мать не бранила меня и не отнимала книжку, я уходила съ нею въ лѣсъ, будто искать землянику, и, сѣвши гдѣ-нибудь подъ ёлкой, погружалась въ міръ, большей частію, нелѣпыхъ вымысловъ. Разъ, лежа въ лѣсу, я до того была погружена въ чтеніе какого-то романа, что не примѣтила набѣжавшей тучки, и только сильно зашумѣвшій лѣсъ, отъ поднявшагося вѣтра, заставилъ меня оглядѣться. Съ минуту я глядѣла на небо, слѣдя за быстро гонимыми вѣтромъ облаками, клубившимися, какъ дымъ. Прямо передо мной стояла уродливая, съ отломленной вершиной и потому необычайно разросшаяся въ ширину ель гигантскихъ размѣровъ. Вѣтеръ сердито трепалъ ея мохнатыя вѣтви, схватывая ихъ и разомъ заворачивая въ одну сторону. Мнѣ нравилось это; я нѣсколько разъ взглядывала на нее, подбирая листки своей растрепавшейся книжки, и мнѣ казалось, что между вѣтвями качаются какіе-то старые, порыжѣлые бахилы. Вѣтеръ утихалъ, и бахилы скрывались за вѣтвями, принимавшими свое нормальное положеніе; поднимался онъ снова, и опять бахилы высовывались изъ-за занувшихся вѣтвей, раскачиваемыя вѣтромъ.

— Кто это ихъ тутъ повѣсилъ? думала я, вставая и подходя къ ёлкѣ съ другой стороны. Но только-что я разглядѣла висѣвшій на ёлкѣ предметъ, какъ точно приросла къ мѣсту—до того были сильны изумленіе и ужасъ, охватившіе меня. Тамъ висѣлъ человѣкъ. Когда, наконецъ, я почувствовала, что ноги мои могутъ двигаться, я громко закричала и бросилась бѣжать, роняя по дорогѣ листки изъ своей книжки. Вѣтеръ стихъ, и хлынувшій дождикъ прибилъ къ землѣ эти листки, и по нимъ послѣ отыскивали лѣсину съ висѣвшимъ на ней человѣкомъ. Мокрая, грязная, изцарапавъ себѣ лицо и руки, избившись о камни, съ которыми вмѣстѣ я иногда скатывалась на крутыхъ мѣстахъ, я прибѣжала домой и перепугала всѣхъ и своимъ видомъ, и своимъ разсказомъ. Мать сначала не вѣрила мнѣ:

— Ты до того зачиталась, что тебѣ, наконецъ, метиться начало, говорила она. Но отецъ повѣрилъ и, взявъ съ собой сторожа Егора, замѣнившаго Данилу, ушелъ въ лѣсъ и вскорѣ возвратился, вполне убѣдившись въ истинѣ моего разсказа. Но

что поразило насъ еще большимъ страхомъ и удивленіемъ, такъ это то, что въ висѣвшемъ человѣкѣ отецъ и Егоръ признали пропавшаго безъ вѣсти Данилу. Любопытство, все-таки, превозмогло суевѣрный страхъ, который мать чувствовала къ покойникамъ, и она, а съ нею и Ульяна, сопровождаемые отцомъ и сторожемъ, пошли посмотрѣть на удушенника. Домой мать вернулась перепуганная, почти не менѣе меня. Со мной сдѣлался сильный жаръ и бредъ; я тщетно зарывалась въ подушки головой—удушенникъ, съ своимъ страшнымъ, почернѣвшимъ лицомъ и провалившимися глазами, все качался передо мной посреди темныхъ вѣтокъ мохнатой ели. Всю ночь мнѣ прикладывали компрессы къ головѣ, и только къ утру жаръ утихъ, и я уснула.

Утромъ отецъ уѣхалъ въ алакшинскій заводъ съ донесеніемъ о нашедшемся мертвомъ тѣлѣ.

Какое впечатлѣніе произвело это происшествіе на Ульяну—не знаю. По наружности, въ ней не было замѣтно никакой перемѣны. Только спать въ тотъ вечеръ она легла позднѣе обыкновеннаго, и двери, къ ночи никогда не запиравшіяся, заперла засовомъ. Точно боялась, чтобъ мертвый мужъ не пришелъ къ ней.

— Истуканъ, не баба! говорила объ ней мать:—хотя бы слезинку выронила или вздохнула, или какъ-нибудь на словахъ пожалѣла.

Когда, по окончаніи слѣдствія, караулившимъ трупъ Данилы, мужикамъ велѣно было зарыть его гдѣ-нибудь въ лѣсу, какъ самоубійцу, они приглашали Ульяну пойти съ ними и проститься съ Данилой, но она отказалась.

— Ты хоть съиздали посмотри, говорили они:—все же будешь знать, гдѣ могила. А то, вѣдь, и не найдешь послѣ. Развѣ примѣточку тебѣ какую ни на есть поставить?

— Не надо, я искать не буду, громко отвѣтила она. И больше не сказала ни слова. Жить у насъ послѣ этого она не стала, а ушла къ отцу въ заводъ, говоря, что надо помочь ему управиться со страдой.

Скоро послѣ этого и мы переселились съ Позорихи. Получилось, наконецъ, долго ожидаемое распоряженіе о перемѣщеніи отца въ алакшинскій заводъ въ конторщики «до другой лучшей, болѣе подходящей для него вакансіи», значилось въ предписаніи. И мать ожила духомъ и почему-то начала питать надежду на возвращеніе въ Куморь. Однако, ей пришлось отказаться отъ этой надежды! Мы прожили тутъ не полгода, не годъ, какъ думала мать, а много лѣтъ. Когда мы жили на Позорихѣ, невозможность имѣть всегда водку и неимѣнье выпивающихъ знако-

мыхъ заставляли отца вести болѣе трезвую жизнь; съ переѣздомъ же въ алакшинскій заводъ, отецъ опять часто сталъ ходить по гостямъ и рѣдко возвращался домой трезвымъ. Но я не буду описывать нашу жизнь, которая была также однообразна, какъ и на Позорихѣ, и только чаще стали повторяться ссоры между отцомъ и матерью. Лучше опустить завѣсу на эту жизнь, полную горя и слѣзъ.

Въ одну суровую и особенно тяжелую зиму, когда въ алакшинскомъ заводѣ и всѣхъ окрестныхъ рудникахъ свирѣпствовалъ тифъ, мать моя сдѣлалась одною изъ его первыхъ жертвъ. Какъ ее хоронили, я не помню, такъ какъ я тоже была больна тифомъ и лежала въ постели. Послѣ ужъ сказывали мнѣ, что отецъ очень плакалъ и убивался, а мнѣ давали совѣты и наставленія, какъ лучше развлекать отца и хозяйничать. Но хозяйничала я очень не долго: черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти матери, отецъ женился на двадцатипяти-лѣтней дѣвушкѣ, дочери запасчика. Мы уживались съ нею довольно хорошо, потому что она была нетребовательная женщина. Къ тому, что отецъ выпивалъ, она относилась довольно равнодушно, какъ къ чему-то необходимому и неизбежному въ нашей жизни, и поэтому у насъ не было ни споровъ, ни упрековъ, ни слѣзъ. Когда, бывало, отецъ возвращался домой на-веселѣ, то она ухаживала за нимъ и помогала ему раздѣться, укладывала спать, шутила. Отцу это нравилось, и онъ сталъ замѣтно меньше пить. Наша жизнь потекла покойнѣе и ровнѣе, но почему-то чувствовалось, какъ будто уровень нашихъ требованій понизился. Мать не ходила никуда, кромѣ управляющихъ и попа; теперь же у насъ завелись знакомые попроще. Прежде играли только въ благородныя игры: въ бостонъ, преферансъ и ералашъ; теперь играли иногда и въ дурачки. Отецъ не читалъ махихъ своихъ газетъ, ни я—романовъ; сама она читать не умѣла и не интересовалась ничѣмъ, кромѣ кухни, бѣлья и платья. Да еще очень интересовалась тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, да и вообще у всѣхъ жителей завода. Такъ прошло около года. Я осталась отъ матери на пятнадцатомъ году; теперь мнѣ шелъ семнадцатый, и меня считали невѣстой. Мачиха моя начинала толковать про жениховъ, и я съ нею толковала о женихахъ охотно. Это и развлекало, и забавляло меня.

Наступило освобожденіе изъ крѣпостной зависимости, но въ алакшинскомъ заводѣ оно произошло какъ-то незамѣтно. Все было по старому, и только мастеровые взяли два дня праздника по прочтеніи манифеста. Однакожь, мало-по-малу, начались тол-

ки, разговоры, ожиданія чего-то лучшаго впереди. По временамъ стали слышаться восклицанія: «такъ что жъ? теперь мы—вольные!» «Э, да что намъ, вѣдь, мы теперь—вольные!» «А вотъ возьму да и уйду, вздумаю и уйду! вѣдь, я теперь—вольный!» и т. п. Около этого времени, я получила письмо отъ тётки, сестры отца, которая жила въ Кужгортѣ. Она приглашала меня къ себѣ погостить, посмотреть людей и себя показать. Последнія слова въ письмѣ были подчеркнуты.

— Поѣзжай, сказалъ отецъ:—Кужгортъ—большой заводъ, посмотри.

— Можетъ быть, тамъ и женишокъ-то получше выищется, прибавила мачиха.

Я поѣхала смотрѣть людей и себя показывать. Я ѣхала въ Кужгортъ мѣсяца на два, на три, а прожила тамъ два года.

А. Н.
